

Тайна горы Бесов

18+

Михаил Каюрин

Михаил Каюрин
Тайна горы Бесов

«Автор»

2022

Каюрин М. А.

Тайна горы Бесов / М. А. Каюрин — «Автор», 2022

Над горой Бесов часто висают таинственные светящиеся объекты. Трое учёных, обнаружив у подножия таинственный тоннель, отправляются по нему, не предполагая, что окажутся узниками существ из другого мира. В противоборстве с пришельцами из далёкой галактики выжить в "преисподней" и вернуться в привычный трёхмерный мир удаётся лишь одному из троих...

© Каюрин М. А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Михаил Каюрин

Тайна горы Бесов

Пролог

У подножия горы Бесов, где берёт своё начало один из притоков реки Улс, двое охотников наткнулись на раненого человека. Он был без сознания. На сухом морщинистом лице виднелись многочисленные ссадины и кровоподтёки. Кисти рук были в порезах и кровоточили. Плотное облегающий костюм серебристого цвета был покрыт сплошь мелкими пузырями и напоминал чешую крупной рыбы. Рядом с раненым лежал предмет серебристого цвета необычной формы. Внешний вид этого предмета имел форму цилиндра, зауженного к середине с обеих сторон, с едва приметными пупырышками по всей поверхности. В математике такую фигуру называют гиперболоидом. Никаких щелей на корпусе, которые указывали бы на разём, не было видно. Предмет можно было принять за обыкновенную болванку, грубо отлитую из олова.

– Откуда появился здесь этот мужик? – почему-то шёпотом произнёс Виктор Варсегов – старший охотник, шедший впереди, и с опаской оглянулся по сторонам. Он снял с плеча ружьё, взял его наизготовку.

То же самое проделал второй охотник, Валерий Кудымов.

Постояв с минуту и не уловив ничего подозрительного, они подошли вплотную к распостёртому телу.

– Как думаешь, он живой? – спросил Кудымов.

Старший охотник промолчал, глядя на неожиданную находку, потом опустился на корточки и наклонился над раненым. Положил палец на сонную артерию, прощупал пульс.

– Вроде не оочурился, слава Богу, – ответил он.

– И что теперь с ним делать? – Кудымов озабоченно поскрёб затылок.

– Для начала отнесём в охотничью избушку, – с уверенностью изрёк Варсегов. – Потом видно будет, как с ним поступить. Может, оклемаётся скоро, поведает нам о чём-нибудь.

– И то верно, – согласился с напарником Кудымов.

Охотники смастерили из веток носилки, положили на них раненого и отнесли к охотничьей избушке. Там они промыли ему раны и перевязали.

Вскоре раненый пришёл в себя. Увидев перед собой незнакомых людей, спросил:

– Вы... кто? Где я?

– Мы охотники, выбрали тебя неподалёку от нашей избушки. Как ты здесь очутился?

На лице раненого скользнула вымученная усмешка, он прохрипел:

– Из преисподней, мужики. Мне срочно нужно в город... иначе могу не успеть. У меня очень важное сообщение для науки... для правительства...

– Тебе в самый раз лежать и не брыкаться, – назидательно проговорил Кудымов. – Наука не зверь, никуда не убежит. И правительство не разбежится по домам. Скажи-ка лучше нам, как тебя звать?

– Егор... Егор Васильевич Ермаков, учёный...

– Вот и лежи, Егор Васильевич, набирайся сил, покуда раны твои не покроются коростой. Всё равно здесь нет ни связи, ни транспорта. Одна тайга вокруг. До Золотанки по реке будет километров пятьдесят, а от неё до Красновишерска ещё полторы сотни по дороге. Так-то вот, Егор Васильевич.

– А где моя капсула? – внезапно спохватился раненый. – Рядом со мной лежал серебристый предмет. Где он?

– Не беспокойся, твоё добро мы подобрали, – успокоил учёного Варсегов. – Только странная какая-то твоя капсула. Цельная, ни доньшка, ни крышки, будто слиток какой. И удивительно лёгкий, словно пустой внутри.

– Она, что, очень ценная, эта капсула, коли ты о ней так беспокоишься? – спросил учёного Валерий с насмешкой.

– Эта штукавина не имеет цены, – с трудом выговорил раненый. – Это капсула разума. Только я могу объяснить учёным, что представляет собой этот ларчик, и как он открывается...

Ермаков закрыл глаза и замолчал. Было похоже, он вновь потерял сознание.

– Я знаю, откуда появился здесь этот человек, – неожиданно заявил Кудымов.

– И откуда же? – с удивлением спросил его напарник.

– Он один из тех людей, которые бесследно пропали в пещере под горой Бесов три года назад.

– Ты думаешь, ему удалось прожить под землёй столько времени без воды и пищи? – не поверил Виктор. – Это невозможно. К тому же, гора Бесов в полусотне километров отсюда.

– Эту полусотню километров мужик прошагал под землёй за три года, – ничуть не смутившись, заявил Валерий. – Старики сказывают, будто все горы нашего края соединены между собой подземными ходами.

– А чем он питался под землёй всё это время? – с сомнением задал вопрос Варсегов.

– Спроси его, когда очнётся, если тебе очень интересно. В пещерах полно змей, мышей, лягушек. К тому же, он мог питаться мясом своих погибших напарников. А что? Жить захочешь – собственное дерьмо пустишь по второму кругу переработки!

– Может, так всё оно и было, – неуверенно проговорил старший охотник. – Только трудно поверить в такое. Всем известно, что учёные – хлипкие интеллигенты. Без пищи и опытного проводника они бы уже через неделю ноги протянули.

– Ладно, Витя, не будем гадать, как ему удалось выжить, – сказал Кудымов. – Не нашего это ума дело. Я думаю, этого учёного нужно отвезти в Золотанку, иначе он умрёт у нас на руках. Мне лично вовсе не хочется брать грех на душу.

В это время раненый пошевелился и открыл глаза.

– Мужики... отвезите меня в город, – тихо проговорил он. – У меня действительно дело... государственной важности... Время не ждёт... могу умереть... вы можете совершить большую ошибку...

Раненый умолк и закрыл глаза.

– Какую ошибку? – спросил Варсегов.

Учёный, не открывая глаз, пояснил:

– Великая тайна, которой я обладаю... уйдёт со мной в могилу...

Охотники переглянулись, Варсегов согласно кивнул головой.

Ранним утром следующего дня их моторная лодка с раненым на борту отчалила от берега.

Во второй половине дня охотники передали Ермакова сельскому фельдшеру и рассказали о своей находке участковому полицейскому. Тот составил протокол, охотники расписались под своими показаниями и передали ему загадочную капсулу. Капитан позвонил в район, сообщил о случившемся.

Через день прилетел вертолёт. Из него вышли люди в штатском, погрузили носилки с раненым, забрали загадочную капсулу и улетели.

Глава 1

Подполковник Ермаков служил в секретном отделе одной из воинских частей Минобороны и был уволен в запас несколько лет назад.

Отставка произошла неожиданно.

Его жена умудрилась сблизиться с сотрудником американского посольства. Через несколько месяцев она подала на развод и укатила с возлюбленным в Америку.

Органы безопасности усмотрели в этом событии некую связь с секретными разработками, которыми занималась группа Ермакова. Была проведена тщательная проверка на предмет возможной утечки секретной информации.

Офицеры с Лубянки были почему-то уверены, что подполковник Ермаков успел передать бывшей жене результаты последних исследований. И вообще, весь этот бракоразводный процесс есть не что иное, как хорошо спланированная акция ЦРУ.

В ходе следствия никаких фактов в подтверждение выдвигаемой версии ФСБ обнаружить не удалось, однако, для подстраховки, Ермакова уволили из вооружённых сил в связи с утратой доверия и неблагонадёжностью.

В армию Ермаков попал случайно.

Во время учёбы в институте с ним произошло знаковое событие, которое круто изменило его планы на будущее.

Он трудился в стройотряде, была его очередь дежурства на кухне.

Помыв посуду после ужина, Егор отправился лесной тропинкой в барак.

Время было позднее, он включил фонарик и стал подсвечивать себе под ноги. Тихонько насвистывая под нос, дошагал до поляны. Кругом стояла какая-то подозрительно-странная тишина. Даже птицы умолкли.

Внезапно свободное от деревьев пространство осветилось ослепительно ярким светом.

Егор невольно поднял голову вверх и замер, поражённый зрелищем. Прямо над ним в воздухе висел светящийся абажур, похожий на большой уличный фонарь послевоенных лет.

Повисев около десяти секунд, он, словно падая, резко опустился метров на десять, и вновь остановился. Потом, будто подвижный светильник, подвешенный на спиральном проводе, опустился ещё ниже. Словно кто-то невидимый периодически дёргал за этот провод, пытаясь приблизить освещение, чтобы лучше разглядеть остановившегося на поляне человека.

Когда «фонарь» упал в очередной раз, Егор вдруг осознал, что это «нечто» имеет большие размеры, действительно может опуститься на поляну и раздавить его в лепёшку, однако отбежать в сторону он был не в состоянии. Даже сдвинуться с места у него не получалось. Тело стало ватным и не слушалось, голова вдруг закружилась, стало трудно дышать. Ноги подкосились, Егор упал и больше он уже ничего не осознавал.

Очнулся почему-то на краю поляны, хотя чётко помнил, что потерял сознание, стоя посередине. Загадочного светильника в небе уже не было.

Егор поднялся, голова слегка гудела. Было темно, он принялся шарить в траве, пытаясь отыскать фонарик. Потом сообразил, что искать следует в том месте, где у него подкосились ноги.

Фонарик действительно остался лежать посреди поляны. Не успел Егор сделать несколько шагов, как фонарик обнаружился, самопроизвольно включившись. Подняв его, Егор обратил внимание, что кнопка на корпусе находилась в положении «включено». Но почему тогда фонарик отключался?

Не найдя вразумительного объяснения, медленно пошагал к бараку.

Он умолчал о том, что с ним приключилось и лёг спать.

Со временем происшествие притупилось в памяти, а затем и вовсе улетучилось из головы.

О нём он вспомнил спустя полгода, когда с ним начали происходить странные вещи. Егор стал видеть ежедневно необычные сны – они носили чисто технический характер. Ему виделись сложные электрические схемы, конструкции необычных приборов и диковинного оборудования.

Егор завёл тетрадь, стал записывать и зарисовывать всю полученную информацию без исключения. Делал это сразу после пробуждения, пока все символы с особой отчётливостью стояли перед глазами. Он не знал пока их физического смысла, но где-то глубоко в подсознании пульсировала мысль, что эти записи ему пригодятся в дальнейшем.

Несколько раз снился тот загадочный «фонарь», который завис над ним прошедшим летом. Как будто шло некое пояснение, откуда исходят эти странные сновидения.

Но и это было ещё не всё. Через некоторое время ему совершенно неожиданно стало сниться внутреннее строение головного мозга человека. Он совершенно отчётливо видел большие полушария, извилины и борозды. Мозг, словно наглядное пособие, раскрывался перед его взором под разными углами, демонстрируя все происходящие процессы.

Егор, никогда прежде не читавший о строении мозга, хорошо понимал работу этого чрезвычайно сложного механизма. Он видел, как в таламусе собираются импульсы от всех органов чувств, как потом осуществляется первичный анализ и синтез. Видел энергетические излучения, входящие и исходящие из эпифиза.

Это, почему-то заинтересовало его больше всего. Будто тот, кто формировал его сны, специально сконцентрировал на эпифизе особое внимание.

Так продолжалось вплоть до окончания института. Всё это время Егор тщательно скрывал от однокурсников свои необычные сновидения. Он опасался, что они расценят это явление, как «съезд с катушек», и его персону может стать посмешищем институтского масштаба. Но и жить, не предполагая, что может произойти с его психикой в ближайшее будущее, Егору не хотелось.

После зимней сессии ему случайно удалось побывать в Москве.

В столице Егор отважился сходить на приём к известному психиатру. Ермаков был уверен, что о посещении клиники не узнает ни одна живая душа из близкого окружения, поскольку Москва находится на большом удалении от родного города. Да и кому нужен пациент с Урала, чтобы акцентировать на нём внимание?

Егор рассказал врачу всё, что с ним происходит. Утаил лишь о загадочном светящемся объекте, с чего, собственно, всё и началось.

Седовласый врач отнёсся с большим пониманием и уделил феномену Егора достаточно много времени. Он надел на голову пациента «шлем» с многочисленными датчиками и принялся тщательно изучать показания приборов.

Закончив обследование, врач сказал:

– Никаких отклонений, молодой человек, я, увы, не обнаружил. Вы вполне здоровы. Однако, можно предположить, что у вас сильная биоэнергетика. Вероятно, в этом-то и кроется феноменальность работы вашего мозга.

Врач внимательно посмотрел на Егора и после небольшой паузы добавил:

– К сожалению, в этой области медицины ещё очень много тёмных пятен. Поэтому, мой вам совет, Егор Васильевич: живите спокойно и воспринимайте свои сны, как обычное явление. Вдруг они когда-нибудь пригодятся вам? Увидел же Менделеев свою таблицу во сне и стал великим учёным. Думаю, вы не будете огорчены, если вашу фамилию узнает весь мир?

И всё же поездка в Москву не осталась незамеченной.

Когда пришло время выбирать работу по распределению, в общежитие к Егору пришёл незнакомец в штатском. Он показал Егору своё удостоверение полковника военного ведомства и предложил поговорить о работе после окончания института.

В комнате они были одни.

– Я возглавляю специальное управление министерства обороны, – сообщил полковник. – Совсем недавно у нас создан отдел по изучению сознания человека и его влиянию на физические процессы.

Полковник замолчал, продолжая внимательно следить за реакцией Егора.

– Вы хотите предложить мне пойти на военную службу? – спросил Егор, усмехнувшись.

– Вы очень догадливы, Егор Васильевич. Предлагаю вам послужить на благо Отчизны.

– Но я – физик, изучение сознания человека не мой профиль, – возразил Ермаков.

– Не совсем так, как вы думаете, Егор Васильевич. Военная наука вкладывает в понятие «сознание» иной смысл, нежели это делает медицина. – Полковник на секунду задумался, потом неожиданно спросил:

– Вам не приходилось слышать о психологическом оружии?

– Доводилось.

– Вот вам ответ на ваш вопрос, – московский гость впервые улыбнулся. – Вас ожидает очень увлекательная, интересная работа. К тому же, мы приглашаем к себе только избранных.

– Интересно, чем же это я выделился среди прочих выпускников? – удивился Егор.

– А вы не догадываетесь?

– Нет.

– Вы обладаете экстрасенсорными способностями. Вам снятся загадочные сны, не так ли?

– Но... откуда вам известно об этом?

– Это не суть важно, – полковник позволил себе улыбнуться повторно. На этот раз его улыбка показалась Ермакову более естественной и доброжелательной.

– Главное, вы тот человек, который нам нужен. Соглашайтесь, Егор Васильевич, не пожалеете. У вас будет очень хорошая зарплата, московская прописка.

– Мне нужно подумать, – ответил Егор.

– Подумайте. Я буду в вашем городе ещё два дня. Послезавтра моя командировка заканчивается, я возвращаюсь в Москву. Вот вам мой телефон.

Егор позвонил Круглову на следующий день и дал согласие.

В первых числах июня он защитил диплом на «отлично».

Через две недели ему вручили повестку из военкомата. Явившись в комиссариат, он ознакомился с приказом о присвоении ему звания «лейтенант».

Так Егор Ермаков стал сотрудником секретной военной лаборатории, располагавшейся в одном из подмосковных городков.

Полковник Круглов оказался прав: исследовательская работа действительно была интересной и увлекательной.

Двадцать лет он занимался исследованиями электромагнитных излучений. Ставил опыты, изучал воздействие полей различной напряжённости на живые организмы, влияние излучений различных частот на работу головного мозга, работал над созданием приборов по использованию психической энергии человека в военных целях. Дослужился до звания подполковника и возглавил лабораторию. За эти годы ему удалось далеко продвинуться в области изучения психической энергии человека. Он изобрёл уникальный импульсно-волновой микротрон с широким диапазоном воздействия, отличающийся от зарубежных аналогов миниатюрными размерами.

Прибор был опробован на заключённых и получил хорошую оценку. Результат превзошёл все ожидания. Рецидивисты-бунтари принимали позу эмбриона и лежали недвижимыми около получаса.

Спустя некоторое время Ермакову удалось сконструировать генератор, работающий на сверхвысоких частотах. Излучение генератора модулировалось голосом. Человек, задействованный в эксперименте, слышал «голос» в голове на большом удалении от генератора. Это был настоящий прорыв в науке.

Занимаясь исследовательской работой, Ермаков часто сталкивался с физическими парадоксами, научное объяснение которым не находил. Неожиданно для себя он увлёкся расшифровкой аномальных явлений. Всё чаще стал задумываться о природе НЛО, о параллельных мирах и иных цивилизациях. Летние отпуска проводил в аномальных зонах на Урале, выслеживал появление загадочных светящихся шаров, проводил замеры электромагнитных излучений.

На службе любые отклонения от утверждённой тематики не приветствовались, и Егор занялся исследованиями в домашних условиях. Одна из комнат его трехкомнатной квартиры в срочном порядке была переоборудована под исследовательскую лабораторию. В ней Ермаков мог позволить себе самые фантастические опыты. Из списанных узлов старых приборов и различных деталей, приобретённых за свой счёт, ему удалось сконструировать такие испытательные стенды, которых не существовало ни в одном научно-исследовательском центре. Вот здесь-то и пригодились записи его загадочных сновидений двадцатипятилетней давности. Егор начал понимать их предназначение и физический смысл. Он с головой ушёл в работу, чувствуя, что приблизился совсем близко к раскрытию тайны связи подсознания человека с информационным полем Вселенной. Но сделать открытия помешал развод с женой. Под сильным натиском начальника спецуправления он вынужден был подать рапорт на увольнение.

Чтобы избавиться от пристального внимания спецслужб Егор принял решение покинуть столицу. Он продал квартиру и переехал жить в Пермь. Приборы и оборудование прихватил с собой.

Глава 2

С Михаилом Корчёмкиным Егора Ермакова связывала давняя дружба. Они вместе учились в институте, проживали в одной комнате в общежитии.

После окончания института Миша остался работать на кафедре и к моменту возвращения Егора в Пермь уже имел учёную степень, руководил факультетом.

С юности их объединяло желание разгадать тайну «Горы бесов». По одной из легенд местных жителей под горой поселились всемогущие бесы. Прорыв под ней некий тоннель, они периодически выбирались на поверхность «на огненных лодках» – светящихся шарах.

Гора, как магнит, многие годы притягивала к себе друзей своей таинственностью. Особый интерес вызывали светящиеся шары, которые исчезали в её недрах.

При первом посещении загадочного места Ермаков и Корчёмкин ограничились визуальными наблюдениями и замерами параметров магнитного поля и электромагнитных излучений. Однако, их манила вершина горы, куда «ныряли» светящиеся шары. Друзья задались целью изучить эту таинственную гору от верхней точки до неведомых глубин. В них была уверенность, что под горой существует полое пространство, нужно лишь найти замаскированный вход.

При этом оба осознавали, что предстоящая экспедиция требует тщательной подготовки.

После того, как Ермаков вышел в отставку и переехал жить в Пермь, он пригласил друга на новоселье.

Узнав истинные причины отставки, Корчёмкин предложил Ермакову работу у себя на кафедре – у него освободилась должность начальника физической лаборатории.

Отставной офицер согласился, не раздумывая. Все приборы и испытательные стенды, которые он привёз с собой из Москвы, сразу перекочевали в институтскую лабораторию. Теперь Ермаков был свободен в творческом поиске, и у него, наконец-то, появилась реальная возможность продолжить прерванные исследования.

– Егор, ты ещё не передумал нырнуть в преисподнюю? – спросил Корчёмкин, потягивая из бокала коньяк.

– Никак нет, Миша, – ответил Егор по-военному. – Я хочу не просто увидеть эти загадочные летательные объекты вблизи, но и попытаться изучить их природу. Однако для решения такой задачи мы с тобой пока не готовы.

– И когда же мы созреем? – с насмешкой спросил Корчёмкин. – Через сотню лет? Тогда, когда наши души переселятся в другие тела?

– Не ёрничай, Миша. Всё произойдёт совсем скоро. Ты же учёный и должен понимать, что мы не можем пренебрегать защитой от гуманоида. Не выйдем же мы, чёрт возьми, на встречу с ним, держа в руках каменный нож.

– И ты всерьёз веришь, что летающими объектами управляют гуманоиды?

– А кто же ещё? – пожал плечами Ермаков. – Во всяком случае, ты сам видел: и светящиеся шары, и дисколёты ведут себя так, будто ими управляют разумные существа.

– Либо сам объект является какой-то разумной субстанцией, – быстро подхватил Корчёмкин.

– Возможно и так, хотя на этот счёт у меня есть большие сомнения. В любом случае, это не природное явление, а искусственно созданный объект.

– Несомненно. Я полностью согласен с тобой. – Корчёмкин на миг задумался, потом спросил:

– И сколько времени тебе потребуется на всё про всё?

– Пока я не отработаю все свои гипотезы до конца – на горе нам делать нечего.

– И много у тебя этих гипотез, о которых я не имею ни малейшего представления? – Корчёмкин с укором посмотрел на Егора. – И можно ли тебя называть после этого настоящим другом?

– Видишь ли, Миша, – с растяжкой заговорил Ермаков, потирая ладони, – за три года, прошедшие после нашей последней экспедиции на гору Бесов, мне удалось расшифровать большую часть своих загадочных сновидений. Сейчас я стою, как мне кажется, на пороге невероятных открытий в области высокочастотных излучений. Не сомневаюсь, что совсем скоро мне удастся раскрыть тайну многих аномальных явлений.

– Как я понимаю, экспедиция в таинственное подземелье тебе нужна для подтверждения своих гипотез? – догадался Корчёмкин.

– Совершенно верно. А для этого мне необходимо закончить изготовление компактных приборов, без которых наша экспедиция будет бессмысленной.

– Разве недостаточно тех, которые имеются сегодня в распоряжении науки? – поинтересовался Корчёмкин. На его лице проступило крайнее удивление. – Ты только скажи, какие нам потребуются, и я их срочно приобрету для нужд кафедры.

– Нет, Миша, – усмехнулся Ермаков. – Те приборы, которыми располагает твоя продвинутая кафедра – примитив.

– Вот как! Тогда скажи мне: что ты вообще собрался измерять? – с вызовом спросил Корчёмкин, обидевшись на слова друга. – Зафиксировать то, не зная, что?

– Отчего же? – невозмутимо отозвался Егор. – У меня есть чёткое представление тех задач, которые предстоит решить. – Он замолчал и застывшим взглядом уставился на друга. Потом пояснил:

– В начале девяностых годов прекратилось финансирование исследовательской работы нашей лаборатории, – продолжил Ермаков после небольшой паузы. – Все мы думали, что её вскоре закроют. Сидели без дела ровно год. Я не смог прозябать в четырёх стенах и принялся изучать материалы известной тебе программы «Сетка». Проштудировал все показания очевидцев наблюдения НЛЮ. Проанализировал состояние людей, подвергшихся воздействию со стороны этих неизвестных объектов.

– Ничуть не сомневаюсь, что ты при этом педантично классифицировал все явления, включая эмоции несчастных людей, – вставил Корчёмкин, наливая в фужеры очередную порцию коньяка.

– Естественно, – подтвердил Егор. – Без этого невозможно строить какие-либо гипотезы.

– И что?

– Наметил перечень вопросов, на которые следовало получить ответы. Потом занялся теоретическим обоснованием. Так родились гипотезы. Часть из них я уже подтвердил экспериментально, остальные предполагаю подтвердить в ходе экспедиции.

– Ты, Егор, излагаешь всё как-то обтекаемо и туманно. Я не услышал от тебя ни одной конкретной детали. Неужели ты всё ещё продолжаешь держать свои разработки в секрете?

Ермаков откинулся на спинку кресла, скрестил ладони на затылке. Потом, расплывшись в улыбке, умиротворённо проговорил:

– Никаких секретов от тебя, Миша, у меня нет. Просто ещё рано говорить об открытиях. Мы их сделаем вместе. Но ради удовлетворения любопытства, которое плещется на твоём лице, готов кое-чем поделиться.

– Сделай одолжение, мой друг, расскажи о своих прорывах в бездне непознанного.

Ермаков задумался на несколько секунд, улыбка сошла с его лица. Потом, почему-то понизив голос, заговорил:

– Я могу объяснить взаимосвязь природы вещества и поля.

– Тема, над которой бьются сейчас все физики мира? – взволнованно спросил Корчёмкин.

– Вот именно. Как оказалось, двадцать лет назад я увидел во сне теорию единого поля. Теорию, которая объединяет слабые и электромагнитные взаимодействия. Я целый год возился с расшифровкой символов, которые занёс в тетрадь по памяти.

– И каков результат?

– О-о! Я получил неожиданные знания о так называемых эфирных хромосомах мира. Оказывается, ими нашпиговано всё пространство, включая организм человека. Соединяя их между собой, можно вытянуть цепь до любого источника энергии в космическом пространстве. Это неиссякаемый источник.

– Как я понимаю, это те самые «стринги», о которых заговорили учёные в последние годы?

– Да. Но самое удивительное заключается в том, что во всех этих таинственных процессах участвует некая материальная субстанция – химический элемент, которого нет в системе Менделеева. В моих записях он именуется как «вселениум». Элемент без атомного веса.

– Элемент-призрак с порядковым номером ноль?

– Вот-вот, он самый. Обнаружился, наконец.

Корчёмкин внимательно посмотрел на Ермакова и неожиданно спросил:

– Твои упреждающие знания – это, конечно, здорово. Но какое отношение они имеют к нашей экспедиции?

– Самое непосредственное. Если летающими объектами управляют представители иной цивилизации, стало быть, они владеют технологией использования энергии через цепи «эфирных хромосом». Кроме того, им известны все секреты единого поля, они научились им управлять. Видимо, гуманоиды манипулируют кварками так же просто, как мы научились управлять пока лишь атомами. В тетради есть зарисованная кварковая структура, образованная посредством этих загадочных эфирных хромосом. Непонятен только механизм запуска продольных колебаний таких цепей. Если наша экспедиция позволит раскрыть этот секрет, у нас появится возможность сделать умопомрачительный рывок в техническом развитии.

Корчёмкин поёрзал на стуле, потом встал и прошёлся по комнате. Всё, что он услышал от друга, взволновало его и казалось фантастическим. Он снова сел и, уставившись на Егора, спросил:

– Как ты собираешься подтвердить свои умозаключения?

– Об этом нам расскажут сами представители иной цивилизации.

– Расскажут? Но ... как?

– Очень просто. Мы попробуем зафиксировать те частоты, на которых происходит мыслительный процесс гуманоидов. А потом запустим в работу изобретённый мною генератор. Если гуманоиды обладают аналогичной биологической программой, что и человек, у нас есть способ парализации их разума. Мы сделаем гуманоидов послушными и разговорчивыми. Генератор будет воздействовать на них, как искусственный гипнотизёр. Мы выведем у них всё, что нам захочется. Так-то вот, мой друг Миша.

– Невероятно! – воскликнул Корчёмкин и на его лице проступил страх, будто ему предстояло вступить в неравную схватку с гуманоидами.

– А если это будет биологический робот?

– Излучения генератора вызовут сбой в его программе. В таком случае мы даже сможем захватить его с собой, как «языка».

– У тебя запредельно смелые планы, Егор, – неодобрительно высказался Корчёмкин. – Не опрометчиво ли бросать вызов представителям иной цивилизации, не зная её технических и физических возможностей? Может, вполне достаточно ограничиться визуальным наблюдением? Выполнить замеры всех излучений, сделать определённые выводы и уже потом, в следующей экспедиции, применить элементы насилия?

– Никак, струсил, Миша? – усмехнулся Ермаков. – Если боишься – я пойду один. Решай, времени у нас достаточно.

– Никогда я не был трусом, – задетый подковыркой друга за живое, с обидой в голосе возразил Корчёмкин. – Просто привык принимать взвешенные решения. Это ты у нас авантюрист по жизни, за что и страдаешь очень часто.

– Может быть, и страдаю, но никогда не сожалею о своих поступках, – с гордостью изрёк Ермаков.

Друзья допили коньяк, Корчёмкин засобирался домой. Оба были навеселе. Ермаков решил проводить друга до остановки троллейбуса. От подъезда его дома до Комсомольской площади было пятнадцать минут ходьбы.

– Вот ты назвал меня авантюристом, – нетрезвым голосом проговорил Егор на улице. – Назвал, да?

– Ну, назвал. И правильно сделал. Потому что привык говорить правду в лицо. А ты что? Обиделся на меня? Ну, извини друг, – Корчёмкин громко икнул, его качнуло. Проходящие мимо девчонки резво отскочили в сторону и, посмотрев на подвыпивших седовласых мужчин интеллигентного вида, тут же прыснули от смеха.

– Тогда усвой для себя: если бы я не был авантюристом – мне бы не удалось достичь тех высот, о которых ты, Миша, даже не догадываешься, – Ермаков резко остановился и, взяв друга за рукава, притянул его к себе вплотную.

– Ты знаешь, сколько экспериментов я провёл на себе родимом, прежде чем достиг этих высот? – шёпотом спросил он, прошипев, будто потревоженная змея.

– Откуда ж мне знать? – испуганно произнёс Корчёмкин. – Ты ни разу не обмолвился об этом.

– Бесчисленное количество, Миша, – Егор, не мигая, смотрел в глаза друга. – Скажи: а я могу полностью тебе доверять?

– Несомненно, дружище, ведь я единственный человек, который знает о тебе всё. К тому же, у тебя была возможность убедиться не раз, как я умею хранить тайну.

– Тогда слушай сюда, – Ермаков потянул друга за угол дома, словно опасался, что проходящие мимо них люди могут подслушать его сообщение.

– Ну? – проговорил Корчёмкин тихо, освобождаясь от цепких рук Егора. – О каких экспериментах ты хотел рассказать?

Ермаков вначале огляделся по сторонам, потом выпалил:

– Я подвергал свой эпифиз точечному воздействию электромагнитных волн различных частот. И, наконец, достиг невероятного результата.

– Ты говоришь так, будто положил на лопатки самого Эйнштейна, – вяло произнёс Корчёмкин и в очередной раз икнул.

– Можно сказать и так, – в глазах Ермакова на секунду сверкнул блеск одержимости. – Опытным путём мне удалось подобрать такую частоту излучения, при которой электроны в эпифизе принимают состояние покоя, а потом начинают вращаться вокруг атомов в противоположном направлении.

– Бред. Полный бред, – заплетающимся языком пробормотал Корчёмкин. – Всё, что существует во Вселенной – галактики, звёзды, планеты и элементарные частицы, – всё вращается в одном направлении с момента создания. И никакая сила не в состоянии заставить их вращаться в противоположном направлении.

– В записях моих давних снов есть рисунки, на которых изображено вращение каких-то частиц. Сбоку поставлена стрелка двухстороннего вращения. Я уверен, что это и есть принцип перехода в другое измерение, – заявил Ермаков. – В этом измерении все величины имеют равное, но противоположное значение.

– Это всего лишь твоя гипотеза.

– Нет, Миша, это реальность. Дело в том, что я успел побывать в другом измерении. Я видел совершенно другой мир.

– Ха! У тебя были всего лишь галлюцинации, – пьяно рассмеялся Корчёмкин. – Высокочастотное излучение вызвало возбуждение тех центров головного мозга, которые отвечают за наслаждения. Эффект получился как от воздействия наркотика, и обычные галлюцинации ты принял за действительность.

– Думай, что хочешь, но я уверен в правильности своих рассуждений. И я тебе это докажу, – твёрдо заверил Ермаков.

– Как ты это сделаешь? – осклабился Корчёмкин.

– Я направлю тебе промеж глаз пучок волн с частотой десять в тридцатой степени, – со злостью ответил Ермаков. – У меня есть такой приборчик, я сам его создал. А когда ты вернёшься из параллельного мира – я подвешу тебя к цепям эфирных хромосом для пущей убедительности и заставлю левитировать. Думаю, после таких убедительных процедур твоё мировоззрение сразу изменится.

– Ха-ха! – пьяно рассмеялся Корчёмкин. – Я согласен, Егор. Ты гений. Лучшего способа переубедить меня не существует. Он схватил ладони Ермакова и долго их тряс.

Потом друзья крепко обнялись и направились к остановке. Подобревший от похвалы Егор шагнул к краю проезжей части и поднял вверх руку, чтобы тормознуть такси. Летящая на большой скорости машина без промедления вильнула вправо и через несколько секунд плавно прижалась к бордюру. Опустилось стекло передней дверки, Ермаков разглядел улыбающееся лицо молодого водителя и громко произнёс:

– Слушай, боец, ставлю перед тобой задачу: нужно доставить моего друга в полной сохранности по указанному им адресу. – Отставной подполковник протянул в форточку две сторублёвых банкноты. – Надеюсь, этого будет достаточно?

– Вполне, если учесть, что я знаком с вашим другом.

– Ты знаком с Корчёмкиным? – удивился Егор.

– Да. В недалёком прошлом я захотел стать физиком и учился у него. Физиком я всё-таки стал, но ... на кусок хлеба приходится зарабатывать иным путём.

– Михал Петрович! – обернувшись к Корчёмкину, крикнул Ермаков. – Что же ты стоишь, когда карета для тебя уже подана? Тебе, дружище, очень повезло: за рулём твой бывший студент. Вам есть о чём вспомнить по дороге.

Корчёмкин поспешил к машине, Егор распахнул перед ним дверь.

– Спасибо, Егор, – поблагодарил Михаил друга рукопожатием и забрался на переднее сиденье. – Жду в понедельник у себя на кафедре.

Дверь захлопнулась, старенькая «Ауди», замигав лампочкой левого поворота, выехала на проезжую полосу. Ермаков помахал рукой и направился в обратный путь. С этого дня для него начался отсчёт нового этапа жизни в гражданском обществе.

Глава 3

Подготовка к экспедиции в недра горы Бесов заняла ровно два года. За это время Егор Ермаков довёл работу изобретённых им приборов до совершенства. Составленный план изучения таинственных подземных пустот был отточен до мелочей. Продолжительность экспедиции намечалась сроком на один месяц.

У Ермакова и Корчёмкина совсем неожиданно появился ещё один единомышленник. Это был тот самый таксист по фамилии Шишкин, который два года назад подвёз Корчёмкина после новоселья у Ермакова. Звали его Иваном. По образованию он оказался геофизиком, окончил институт с красным дипломом и получил распределение в «Уралгеологию».

Карьера Ивана Шишкина, как, впрочем, и сама жизнь, не задалась. Поскитавшись с экспедициями по стране, он через несколько лет потерял одновременно и работу, и красавицу жену. В институте совсем неожиданно грянула реорганизация с сокращением профилирующих направлений. В новой структуре для Ивана места почему-то не нашлось, его уволили по сокращению штата. Инженер-геофизик Шишкин нежданно-негаданно стал безработным.

Через месяц его жену увёл бизнесмен из Армении, соблазнив дорогими подарками и безбедной жизнью.

Ивану пришлось сесть за баранку, чтобы зарабатывать себе на хлеб.

В тот памятный вечер изрядно хмельной Корчёмкин признал бывшего студента, и, расчувствовавшись, пригласил к себе на работу в качестве стажёра-исследователя с последующим переводом в младшие научные сотрудники.

Так Иван Шишкин стал научным сотрудником.

В первый рабочий день Ермаков шутливо окрестил его «студентом», на что Иван ничуть не обиделся. Он был младше своих коллег почти на двадцать лет.

Узнав о готовящейся экспедиции, новоиспечённый научный сотрудник загорелся той целью, которую ставили перед собой его наставники, и упросил включить его в состав группы.

Егор Ермаков был доволен молодым коллегой. Ему нравилась напористость Шишкина, его трудолюбие и полная отдача делу, которое тот избрал для себя. Они быстро подружились. Иван охотно согласился участвовать в экспериментах по испытанию приборов Ермакова на собственном организме. Он верил Егору и восхищался его достижениями.

Наступило лето. Закончилась студенческая сессия, преподавательский состав практически в полном составе покинул стены института на период отпусков.

– Ну, вот, коллеги, и мы с вами освободились на всё лето, – оживлённо проговорил Корчёмкин, заглянув в конце рабочего дня в лабораторию, где находились Ермаков и Шишкин. Потирая ладони от предвкушения предстоящего восхождения на гору Бесов, он с каким-то юношеским озорством произнёс пламенную речь:

– Дорогие мои коллеги и друзья! Вот и наступил тот час, когда мы можем совершить прыжок в преисподнюю! Лично у меня нет никаких сомнений, что там, в таинственных пустотах под горой нас ожидают невероятные открытия! Мы будем первыми, кто раскроет тайну загадочной горы!

– Прежде чем совершить прыжок, человеку необходимо оттолкнуться от чего-то, – не разделяя восторженности Корчёмкина, заметил Ермаков. – А мы пока даже входа в преисподнюю не обнаружили.

– Не надо скромничать, Егор Васильевич, дорогой ты мой человек. Твой пустотоискатель способен обнаружить полое пространство любой величины под большой толщей земли. Даже если эта полость окажется размером с футбольный мяч, – улыбнулся Корчёмкин.

– Ты, Михаил Петрович, как всегда преувеличиваешь, – недовольно отозвался Ермаков. – Мой прибор может отыскать полость на расстоянии не более ста метров от поверхности земли. Далее волна излучения полностью гаснет. И размер фиксируемой полости не с футбольный мяч, а всего лишь около десяти метров в поперечнике.

– Этого вполне достаточно для нашей экспедиции, – ничуть не смутившись, отпарировал Корчёмкин. – Летающие объекты имеют размеры в пределах таких значений.

– Сколько дней уйдёт у нас на сборы? – спросил Иван. На его лице отражалось нетерпение.

– Дня три, думаю, уйдёт, – немного подумав, ответил Ермаков. – Наша экспедиция требует большого количества снаряжения. Я уже составил перечень всего необходимого. Вот он. – Егор достал из кармана листок, исписанный убористым почерком от края до края, положил на стол. Корчёмкин и Шишкин наклонились над листком, принялись внимательно изучать.

– Как мы унесём на себе такой объём груза за один раз? – с удивлением спросил Иван, обратив свой взор на Ермакова. – Приборы, альпинистское снаряжение, инструмент, защитная одежда, надувная лодка. Она-то нам зачем? Мы ведь собрались не в путешествие по рекам, а всего лишь спустимся под землю.

– Уважаемый «студент», во время нашего путешествия под землёй могут встретиться и водные преграды, – снисходительно высказался Ермаков. – Как ты собираешься их преодолевать?

– Вы думаете, нам предстоит многокилометровый переход?

– Более чем уверен, – с твёрдым убеждением проговорил Ермаков. – Не думаю, чтобы летальный аппарат, опустившись в недра горы, оставался там, как ракета в стволе шахты. Это не место его постоянной дислокации. Под землёй, несомненно, существуют горизонтальные тоннели, которые ведут на базу. А она, из соображений недосыгаемости, должна находиться на значительном удалении от места посадки и взлёта.

– Логично, – согласился Корчёмкин. – А если следовать рукописям древних народов, такие тоннели тянутся под землёй на сотни, а то и на тысячи километров, соединяя между собой даже материки.

– Ну, это уже скорее из области фантастики, – с сомнением высказался Иван.

– Вот мы и поставим перед собой задачу отделить зерно от плевел, – уверенно заявил Ермаков. – Многие десятилетия человечество неудержимо рвётся в просторы космоса, а само до сих пор не знает, что находится у него под ногами. Вот ты, студент, по профессии геофизик. Но можешь ли ты с полной достоверностью сказать, что находится в глубинах нашей планеты?

От неожиданного вопроса Иван пришёл в замешательство и поэтому долго собирался с ответом. Ему и в голову не мог прийти такой вопрос, поскольку внутреннее строение Земли известно каждому школьнику из учебной программы по географии.

– Только не надо говорить мне сейчас про земную кору, мантию, и ядро. Эти утверждения сделаны наобум. Они следуют из косвенных признаков. Глубже двенадцати километров в недра планеты никто не заглядывал. Это самая глубокая скважина, пробуренная на Кольском полуострове.

Ивану показалось, что Ермаков испытывает чувство торжества от своего заявления. Он решил опровергнуть его слова.

– Ты не прав, Егор Васильевич, – возразил Иван. С некоторых пор по просьбе самого Ермакова он стал называть его на «ты». – Существует несколько методов изучения исследования земных глубин. Скажем, сейсмический метод позволяет получить довольно четкую картину о внутреннем строении Земли.

– Такую же чёткую, как представление учёных о чёрных дырах во Вселенной, – усмехнулся Ермаков. – Преподаватели на кафедре геологии умеют туманить голову студентов. То,

что ты слышал от них – всего лишь предположение. Никто ничего толком не знает о недрах матушки Земли. До сих пор она хранит множество тайн о себе.

– Друзья, коллеги, предлагаю прекратить бесполезный спор и вернуться к нашей экспедиции. – Корчёмкин встал между Ермаковым и Шишкиным и шутиливо взял их за руки, как заправский рефери на ринге. – Давайте лучше подумаем, как мы потащим наше снаряжение. Иван Алексеевич задал совершенно правильный вопрос.

– Не стоит беспокоиться, я уже решил эту проблему, – сказал Ермаков и с некоторым превосходством посмотрел на друзей.

– Решил? – Из уст Корчёмкина и Шишкина одновременно вырвался возглас удивления.

– Да. Нас доставят к подножию горы вертолётном МЧС. Требуется лишь согласовать дату вылета.

– Но это же будет стоить кучу денег! – неодобрительно, с ноткой некоторого испуга воскликнул Корчёмкин.

– Не переживай, Михаил Петрович, платить по счетам не придётся, – покровительственным тоном изрёк Ермаков. – У МЧС на ближайшее время в тех краях, куда отправляется наша экспедиция, запланирован плановый облёт территории. Пилоту потребуется немного изменить курс, только и всего.

– Как тебе удалось договориться? – спросил Корчёмкин с нескрываемой радостью.

– Не надо забывать, мой друг, что я из числа военных. А военные любого рода войск умеют находить общий язык между собой. – Ермаков с гордостью подмигнул и лихо тряхнул головой.

– Какой ты молодец, Егор Васильевич. Такой головняк снял, – откровенно признался Иван. – Тащить всё, что указано в перечне, на своём горбу вовсе не в кайф.

– Да будет вам нахваливать меня, – отмахнулся от благодарности Ермаков. – Предлагаю поскорее получить наши отпускные и закупить всё необходимое.

– А вот об этом уже я успел позаботиться, – сообщил Корчёмкин. – В кассу можно отправляться прямо сейчас.

– Тогда на мне колёса, – добавил Иван и, увидев непонимание в глазах коллег, пояснил:

– Приобретение и доставку снаряжения на площадку МЧС беру на себя. Среди вас я единственный обладатель авто.

– Можешь считать, что одобрение инициативы и заблаговременную благодарность ты, студент, получил одновременно, – тщательно скрывая на лице улыбку, командирским голосом проговорил Ермаков.

– Служу интересам экспедиции! – подыгрывая отставному подполковнику, отчеканил Иван Шишкин.

– Тогда за работу, господа? – вопросительно провозгласил Корчёмкин.

– Один за всех и все за одного! – громко произнёс Иван и потряс в воздухе сжатым кулаком.

– Мушкетёр гороховый, – с отеческой теплотой выговорил Ермаков и легонько шлёпнул Шишкина ладонью по затылку. – То, что ты сможешь съесть тушёнку один за троих – я ничуть не сомневаюсь. А вот за всё остальное поручиться пока не могу.

На следующий день Егор созвонился с начальником управления МЧС области полковником Лихачёвым, чтобы уточнить дату вылета.

...Молва о талантливом физике, отставном офицере Ермакове, быстро разнеслась среди военных. На складах МЧС в то время скопилось немало неисправного оборудования, которое могло ещё послужить спасателям, но для этого требовалось выполнить небольшой ремонт. Специалистов, которые бы смогли разобраться в сложной электронике, у полковника не было. Оплатить услуги специализированной организации-подрядчика не предусматривалось порядком финансирования. Он решил обратиться за помощью к Ермакову, особо не рассчитывая

на успех. К удивлению, отставной подполковник согласился устранить неполадки, не выдвигая никаких предварительных условий.

Через месяц в арсенале МЧС не было не одной единицы неисправного снаряжения.

Полковник Лихачёв долго тряс руку Ермакова, не зная, чем того отблагодарить.

– Может, свозить тебя с друзьями на рыбалку куда-нибудь в нетоптанные места? – с надеждой спросил Лихачёв. – Или на охоту? А что? В нашем распоряжении есть вертолёт, устрой прогулку в два счёта.

– Если мне что-нибудь потребуется – я сам обращусь к тебе за помощью, – сказал тогда Ермаков. – Лады?

– Лады, – согласился полковник. – Всегда буду рад нашей встрече. О добрых делах я никогда не забываю.

И вот появилась необходимость воспользоваться услугами МЧС.

– Я рад, что у меня представился случай рассчитаться с долгами, – пробасил в трубку Лихачёв. – Через четыре дня вертушка отправляется в те края и будет в твоём распоряжении. Дата вылета устраивает?

– Вполне.

– Тогда собирай своё барахло и вези на площадку. Пропуск я оформлю, распоряжение интендантской службе дам.

– У меня не барахло, а очень ценный груз, – назидательно поправил Егор начальника управления МЧС.

– Ха-ха! – весело рассмеялся в трубку Лихачёв. – Ценный груз перевозится в специальной таре, печатывается и принимается по акту. А раз этих условий не соблюдается – значит, твой груз бытовое барахло.

Полковник перестал смеяться и уже серьёзно спросил:

– На какой срок рассчитана твоя экспедиция?

– За месяц, думаю, управимся.

– Резервные средства связи возьмите, не забудьте. Мали ли что. Там глухие места. Можно ожидать, чего угодно.

– Чего, к примеру? – поинтересовался Ермаков.

– Всего, Егор. Там аномальная зона. Иногда даже местные охотники бесследно пропадают.

– Не пугай, Гриша. За тем и идём, чтобы разгадать тайну горы. Несколько лет готовились.

– Тебе виднее. Моё дело напомнить ещё раз о скрытой опасности. Короче, если что – звони, прилечу по первому сигналу.

– Спасибо, Гриша. Не сомневаюсь в твоей поддержке.

– Ну, тогда до встречи. Извини, Егор, но проводить вас не смогу. Буду ждать от тебя звонка. Заберём группу без промедления. – Полковник Лихачёв положил трубку.

С закупкой снаряжения и продовольствия Иван Шишкин управился за один день. Ещё два дня ушло на проверку исправности всех технических средств.

Ермаков лично просматривал каждый узел снаряжения и оснастки, проверял собственноручно каждую гаечку креплений, ощупывал каждый винтик и, наконец, удовлетворённо выдохнул:

– Вот теперь я спокоен за каждого из нас. К экспедиции мы готовы по-настоящему.

Все вещи были сложены в гараже Шишкина, оставалось только перевезти их на площадку МЧС.

Корчёмкин в подготовке не участвовал. Его вызвал к себе ректор и озадачил какими-то срочными поручениями.

Ермаков с Иваном успешно справились и без него. Они перевезли груз на склад МЧС за несколько рейсов.

– Вот теперь полный порядок, – с удовлетворением проговорил Ермаков, когда последний узел переключался из автомобиля в одно из подсобных помещений МЧС. – Теперь моя душа спокойна.

Через день вертолёт Ми-8 поднялся в воздух и взял курс на Красновишерск.

Глава 4

Полёт прошёл нормально, если не брать во внимание последний отрезок пути. Здесь, пролетая над горным хребтом Кваркуш и снижаясь к долине реки Улс, вертолёт провалился в воздушную яму.

Корчёмкин, впервые очутившись на таком виде транспорта, испуганно посмотрел на Ермакова. Его глаза округлились, он что-то прокричал. Из-за надрывного воя двигателя и сильной вибрации Егор не расслышал его. Но чтобы успокоить друга, широко улыбнулся и поднял вверх большой палец, давая понять: всё хорошо, дружище, не стоит волноваться.

Иван, напротив, казалось, не замечал ни истеричного свиста винтов, закладывающего уши, ни противного запаха от бочек с неизвестным содержимым. Он непрерывно смотрел в иллюминатор. Болтанка и шумы его не раздражали. К ним он привык ещё на сухогрузе, когда ходил матросом. Да и на вертолёте прежде ему приходилось летать несколько раз.

Иван с интересом наблюдал, как внизу раздвигалась густая тайга, обнажая прячущиеся среди деревьев маленькие речушки. Они казались ему неподвижными синеватыми змейками, напуганными зловещим рокотом двигателей вертолёта. Казалось, как только большая стрекоза улетит, змейка тут же оживёт и вновь не спеша поползёт в таёжную чащу.

Вертолёт пошёл на снижение и вскоре опустился на небольшой поляне недалеко от подножия горы. Путешественники выгрузили на землю тюки и ящики со снаряжением, рядом поставили мешки с продуктами. Ермаков подал знак пилоту, что выгрузка закончена.

Вертолёт слегка накренился, сделал разворот и стал набирать высоту. Через несколько минут он скрылся из вида, а гул ревущего двигателя поглотила тайга.

Стало непривычно тихо. Появилось ощущение, будто у всех троих внезапно пропал слух.

– Поздравляю с прибытием, господа! – громко произнёс Ермаков, словно хотел убедить, что со слухом полный порядок.

– Да, первый этап завершился вполне успешно, – без особого восторга, тусклым, серым голосом высказался Корчёмкин. После утомительной болтанки в воздухе он ещё не успел прийти в себя.

– И остальные этапы будут удачными, – убеждённо добавил Иван. – У меня в этом нет никакого сомнения. Ведь мы готовились к экспедиции с особой тщательностью, а это означает, что каждый наш шаг выверен до миллиметра. Верно, я говорю, Егор Васильевич?

– Человек предполагает, а бог располагает, – мимоходом отозвался Ермаков, не обернувшись на голос. Он стоял спиной к друзьям и, прикрыв глаза от солнца ладонью, высматривал место для лагеря.

– Вот там и встанем, – сказал он, спустя минуту, будто Корчёмкин и Шишкин догадались, о каком пятачке на местности идёт речь. Повернувшись к ним, скомандовал:

– Берём снаряжение и двигаемся за мной. Отдыхать будем после разбивки лагеря.

Друзья повиновались Ермакову беспрекословно, хотя никто из них не выдавал ему полномочий быть старшим в группе. Всё произошло само собой, естественным путём. Видимо, военная выучка Егора и его умение командовать, произвольно отложились в их сознании с первых дней совместной работы.

Время было полуденное, солнце хорошо припекало. Весь груз перекочевал в тень под крону дерева на небольшой пригорок.

Место для лагеря было выбрано очень удачно. Рядом приглушённо урчала переливчатым водяным голосом речушка шириной не более пяти метров. До островерхих скал, куда предстояло взойти, было рукой подать.

Ермаков, сбросив с плеч огромный рюкзак, вытер пот со лба и, отдуваясь, весело произнёс:

– Всё, мужики, шабаш. Сделаем небольшой перекур. – Он сел на траву, принялся снимать с себя одежду и обувь.

– Какая благодать! Вы только посмотрите! – восторженно произнёс Иван, присаживаясь неподалёку от Ермакова. – Есть же ещё на свете райские уголки!

– И погодка, как на заказ, – поддержал Ивана Корчёмкин.

Раздевшись, все трое, не сговариваясь, шагнули в речку. Она была неглубокой и просматривалась до самого дна. Вода в ней оказалась обжигающе холодной. Захватывая её пригоршнями, мужчины плескали себе на грудь, растирали по телу. Иван громко вскрикивал каждый раз, как будто подвергался невыносимой пытке.

Они купались до тех пор, пока не почувствовали, как стала неметь кожа. Один за другим быстро вышли на берег и распластались на траве.

Минут десять нежились путешественники под жаркими лучами солнца, не произнося ни слова.

Первым поднялся Ермаков и принялся распаковывать тюки. Он не тревожил друзей, не торопил, предоставив им возможность млеть на солнце ещё некоторое время. Сам же Егор был не приучен оставаться без дела долгое время. Так его воспитала служба в армии.

Друзья не сочли возможным для себя залёживаться, видя, как трудится их руководитель. Они тут же подключились к работе.

Вскоре на пригорке возвысились две палатки: одна, большая, для отдыха и сна, и другая, поменьше, для размещения снаряжения и прочего скарба.

Ермаков и Иван занялись подготовкой альпинистского снаряжения и приборов, а Корчёмкин взял на себя функции повара.

Он развёл костёр, набрал из речки воды, повесил на таганок чайник. Потом вспорол банки рисовой каши с мясом, выложил её в котелок, добавил немного воды и повесил рядом с чайником разогреваться. На раскладном столике расставил маленькие пластмассовые миски, в них положил алюминиевые ложки.

– Прощу к столу, господа! – громко выкрикнул Корчёмкин, снимая с огня котелок с кашей. – Обед готов!

Ермаков и Шишкин оставили все дела, не спеша подошли к костру.

– Какое меню у нас на сегодня? – деловито спросил Егор, присаживаясь к столу, и потёр ладони.

– Каша рисовая с мясом. Суп на сегодня отменяется, вы его не заработали, – расплылся в улыбке Корчёмкин. – Вот отыщите вход в подземелье – побалую вас и супом, и компотом.

– Ты так говоришь, Михаил Петрович, будто собрался весь месяц провести с котелком и чайником, – подковырнул друга Ермаков. – А как быть с теми задачами, которые ты перед собой поставил?

– И задачи выполним, и борщ похлебаем, – ответил Корчёмкин. – Всё сделаем.

– А мне вот интересно, друзья, – проговорил Ермаков, задержав на мгновение перед собой ложку с кашей. – С какой потаённой целью каждый из вас прибыл сюда? Каких результатов ждёте от экспедиции?

Корчёмкин и Шишкин перестали жевать и переглянулись между собой.

– То есть, как это с какой целью? – спросил Михаил Петрович с недоумением. – Помоему, у всех нас цель одна: узнать, что находится под горой.

– Я говорю не о той общей цели, которая стоит перед экспедицией, а о сокровенном желании каждого. – Ермаков внимательно посмотрел на Ивана. – Вот ты, например. Что бы хотел узнать, или сделать в первую очередь, если вдруг столкнёшься лицом к лицу с гуманоидом?

– Ну..., – молодой коллега на мгновение задумался, потом неуверенно ответил:

– Попробую вступить с ним в контакт...

– И каким образом ты это сделаешь? – усмехнулся Ермаков. – Спросишь, кто он, откуда и как его зовут? Интересно, а на каком языке ты намерен с ним изъясняться?

Иван опять задумался и долго молчал. Он впервые осознал, какая непростая задача в реальности может встать перед экспедицией. Одно дело, когда гуманоид встретит человека сам где-нибудь в поле или в лесу, там он на чужой территории, и совсем другое – человек умышленно вторгся в его владения. Какова будет его реакция?

Мысленно представив встречу, геофизик затруднился ответить на вопрос Ермакова. Действительно, что делать, если встреча произойдёт совершенно неожиданно? Что, если гуманоиды по своей природе агрессивны и попытаются без промедления уничтожить незваных гостей?

– Так для чего ты идёшь под землю? – продолжая сверлить Ивана укоризненным взглядом, не унимался Ермаков. – Для того чтобы увидеть нечто необычное и тут же умереть? Не слишком ли дешёвой будет цена экспедиции?

Услышав последние слова, Корчёмкин догадался, что вопрос обращён и к нему в том числе. Он ведь тоже особо не задумывался до сегодняшнего дня, полагая, что все меры безопасности предусмотрит мудрый коллега и близкий друг Ермаков. В этом вопросе Михаил Петрович доверился Егору полностью. Выходит, ошибался. Но почему Ермаков спросил об этом только сейчас? Умышленно? Или в потоке мыслей о невероятных открытиях упустил проработку возможных неожиданностей? Не доработал?

Не услышав ответа Шишкина, Корчёмкин откровенно признался:

– А я ведь, друзья мои, тоже как-то не задумывался над подобной ситуацией. Думал больше о научных познаниях. Предполагал, что изучение подземного мира мы будем вести незаметно, из укрытия.

– Увидим, сворует и дадим дёру? – дружелюбно спросил Ермаков и громко рассмеялся.

– Примерно так, – признался Корчёмкин.

– Я так и предполагал, – сказал Егор. – Потому и поинтересовался вашими сокровенными желаниями. Теперь мне ясно: потаённых соблазнов у вас нет, значит, будем работать в одной связке. Любые индивидуальные инициативы на время экспедиции ставлю под запрет, это очень опасно. Прибор защиты от возможного применения психологического оружия со стороны гуманоидов имеется только у меня. Поэтому в подземелье советую соблюдать военную дисциплину и подчиняться мне беспрекословно. Иначе ваша безопасность не гарантируется. Вам всё ясно, друзья мои?

– Так точно, командир, – ответил Иван.

– Я полностью доверяюсь тебе, дружище, – последовал ответ Корчёмкина.

Путешественники пообедали, каждый помыл свою посуду. Ермаков разрешил отдохнуть полчаса, а потом они, навьючив на себя рюкзаки с необходимой оснасткой и снаряжением, все вместе отправились к оскалившейся вершине «Горы бесов». До заката солнца было достаточно времени, чтобы подняться на отвесные скалы и поискать вход в подземелье.

По имеющимся данным высота горы составляла 1204 метра. Включала ли эта отметка в себя изогнутые островерхие скалы, или она не учитывала высоту десятка многометровых клыков, никто из членов экспедиции не знал. Да это было, по сути, не так важно. Главной задачей скалолазов было взобраться по одному из отвесных клыков и заглянуть внутрь «волчьей пасти» – огромного каменного «венчика». Именно туда ныряли летающие объекты и плазмиды.

Когда путешественники взошли на гору и остановились вплотную у отвесных скал, Ермаков, внимательно осмотрев каменную поверхность, сказал:

– Похоже, друзья, до нас тут ни один человек не пытался покорить эти вершины. Я не вижу ни одного вбитого крюка.

– Возможно, ты прав. У подножия нет следов человека, – заметил Корчёмкин. – Хотя взбираться на вершину можно и с противоположной стороны.

– Давайте обследуем «венчик» со всех сторон, – предложил Иван. – Может быть, другие «клыки» более пологи, там будет проще взбираться?

– Согласен, – после небольшой паузы произнёс Ермаков. – Идёмте, рассмотрим все лепестки нашего цветочка.

После обследования громадных каменных «клыков» высотой с многоэтажный дом, все трое остановили свой выбор на том, который находился ближе к лагерю.

– Ну, что, господа-мечтатели? Вперёд, наверх, лишь там ... опустим наши взоры? – воодушевившись, продекларировал Ермаков.

Подниматься решили вдвоём, Корчёмкин оставался внизу для страховки. У него не было такого навыка покорения вершин, которым обладали его коллеги. Хотя и они не имели за плечами годов упорных тренировок, но секреты скалолазания успели освоить неплохо.

Ермаков и Шишкин взбирались на островерхую скалу неторопливо и осторожно, взвешенно выбирая каждый свой шаг, выверяя каждое движение, чтобы, не дай Бог, сорваться вниз и поставить крест в погоне за мечтой.

Наконец они достигли той точки, с которой можно было разглядеть всё пространство за скалами, скрытое от людских глаз.

Первым обогнул каменный клык Шишкин и восторженно крикнул:

– Вижу щель! Она около десяти метров в длину и трёх метров в ширину.

– Чёрт возьми! – удивлённо воскликнул Ермаков. – Этот зубатый комплекс похож на каменную корону, надетую на гору! Невероятно!

Внизу было плато округлой формы с довольно ровной и голой поверхностью без единой травинки. Щель располагалась с противоположной стороны на расстоянии нескольких метров от днища.

– Будем спускаться вниз, – с уверенностью скомандовал Ермаков. – Нужно заглянуть внутрь.

Они спустились по внутренней стороне «клыка», прошли по днищу и приблизились к щели. Взобравшись на край, с предосторожностью заглянули внутрь. Это был щелевидный вход в пещеру природного характера, который далее расширялся в поперечнике, превращаясь уже в тоннель круглой формы явно искусственного происхождения. Стены были удивительно гладкими, словно тоннель выжигался каким-то сверхмощным лучом.

– Что скажешь, командир? – спросил Иван и выжидающе посмотрел на Ермакова.

Егор ответил не сразу. Он достал фонарь, направил луч света вглубь пещеры. Стало отчётливо видно: дальше тоннель уходил под большим уклоном и резко обрывался, а в конце его, на дне, просматривались скруглённые края большого отверстия.

– Всё, Иван, приплыли, – печальным голосом произнёс Ермаков. – Этот вход для нас закрыт.

– Почему?

– А ты не догадываешься?

– Увы, нет.

– Дальше тоннель переходит в вертикальный ствол шахты, по которой летательный объект опускается вниз, а потом использует для взлёта.

– И что?

– Что, что! Он может вылететь оттуда в любой момент и вышибет тебя, как пробку из бутылки шампанского! Вот что!

– Ерунда, – загорячился Шишкин. – Этот аппарат не каждый день летает, и появляется, как правило, в тёмное время суток.

– Тебе известен график полётов? – огрызнулся Ермаков.

– Нет, – ничуть не обиделся Шишкин. – Но сейчас полный штиль и мы можем смело заглянуть в преисподнюю.

– В неё не заглядывают, в неё неожиданно попадают, – пробурчал Ермаков. – Причём, всегда помимо воли и желания человека.

– Неужели мы вот так возьмём и уйдём отсюда с пустыми руками? – с недоумением спросил Иван.

– Почему же? Мы сейчас проведём обследование шахты с помощью приборов, – спокойно и рассудительно ответил Ермаков. – Сделаем замеры всех типов излучений, которые нам известны. Дальнейшие действия будут зависеть от полученных результатов.

Они извлекли из заплечных ранцев все необходимые приборы и выложили у входа в тоннель. Ермаков быстро настроил приборы, приступил к замерам.

– Все фоновые излучения в норме, резких всплесков не наблюдается, – сообщил он спустя некоторое время. – Можно сделать заключение, что тоннель пуст. У нас есть кратковременная возможность подойти к краю шахты и измерить её глубину. Давай, студент, действуй. А я пока займусь поиском пустот. Не может быть, чтобы на поверхность вёл единственный тоннель. Должен быть резервный выход.

– Ты мыслишь, как представитель земной цивилизации, – заметил Иван. – Что если у гуманоидов надёжность составляет сто процентов? И в их сознании отсутствует понятие резерва?

– Нет, студент. Резерв – это неотъемлемая часть надёжности при создании любого продукта творения. Даже во Вселенной.

Ермаков замолчал и, сосредоточившись, приступил к работе. Умолк и Иван. С большой осторожностью он двинулся к зеву загадочной шахты. Минут десять стояла тишина. Потом из глубины грота блеснул луч фонаря и раздался голос Шишкина:

– Глубину шахты определить не удаётся. Она не вертикальна, ствол уходит вглубь под углом к горизонту порядка шестидесяти – семидесяти градусов.

Он подошёл к Ермакову, остановился в метре от него.

– Ничего необычного не заметил? – спросил Егор.

– Вроде, нет, а что?

– Так, ничего. Сейчас для нас важна любая деталь, бросившаяся в глаза. – Ермаков вновь умолк и впился глазами в маленький экран прибора.

– Погоди, студент, кажется, не всё здесь так обыденно, как представилось нам на первый взгляд, – взволнованно произнёс он, спустя несколько минут.

– Прибор зафиксировал что-то аномальное? – встрепенулся Иван от любопытства.

– Мне кажется, я уловил дыхание Земли ... – сказал Ермаков, не отрывая взгляда от осциллографа.

– Что ты сказал? Дыхание Земли?

– Да. Именно так. Из глубин по каналу идут высокочастотные излучения переменной мощности. Амплитуда волны с течением времени плавно снижается и стремится к нулю, потом опять возрастает.

– Словно вдох и выдох, – сделал сравнение Иван. – Если это так, нужно определить периодичность.

– В правильном направлении мыслишь, студент. Для подтверждения догадки нам потребуется некоторое время. – Ермаков нажал на кнопку переговорного устройства, вызвал на связь Корчёмкина.

– Миша, мы обнаружили тоннель и обследовали его, но вынуждены задержаться, нужно выполнить замеры некоторых параметров во времени, – произнёс он в маленький микрофон, закреплённый у подбородка.

– Понял, – слышалось в ответ. – У вас всё в порядке?

– Полный нормалёк, Миша. Не беспокойся.

– Хорошо. Работайте. Конец связи.

– Иван, – обратился Ермаков к Шишкину. – Достань анеморумбометр и замерь скорость движения воздуха в шахте и его направление. Что-то подсказывает мне, что здесь есть тоже аномалия.

– Сейчас займусь, командир, – охотно согласился Иван.

Замеры велись в течение полутора часов. Выяснилось, что излучение принимает нулевое значение каждые четверть часа, причём, происходит это с точностью до секунды. Потом амплитуда вновь начинает расти и достигает максимума ровно через семь с половиной минут. Такая цикличность ни разу не нарушилась в течение полуторачасового периода измерений. Любопытное открытие сделал и Иван. Он обнаружил, что скорость движения воздуха на выходе из шахты также была не постоянной. Её величина менялась синхронно колебаниям амплитуды электромагнитных излучений! Движение воздуха шло из шахты, опрокидывание потока зафиксировано не было.

– Всё, Иван, уходим, – скомандовал Ермаков. – Здесь нам больше делать нечего.

– Да, надо спешить. Скоро начнёт смеркаться, а нам ещё предстоит обнимать волчий клык.

– Миша, мы закончили работу, возвращаемся, – сообщил Ермаков по рации.

– Понял, Егор. Жду. Будьте осторожны. Конец связи.

Исследователи сложили приборы, надели ранцы на плечи и отправились в обратный путь.

Солнце спряталось в тайге как раз в тот момент, когда Ермаков и Шишкин ступили на ровную поверхность у основания отвесной скалы.

– С возвращением, скалолазы, – радостным голосом поприветствовал Корчёмкин друзей. – Какие сведения вам удалось раздобыть?

– Информации достаточно, чтобы заняться скрупулёзным анализом и поразмышлять, – устало сообщил Ермаков. – Главное, теперь у нас есть все основания полагать, что мы стоим на правильном пути.

Учёные вернулись в лагерь. Корчёмкин и Шишкин занялись ужином. Ермаков ещё раз просмотрел показания всех приборов.

Через полчаса все трое сидели за столом, уминая горячую гречневую кашу.

– Ну, рассказывай, Егор Васильевич, что нам предстоит делать завтра? – обратился Корчёмкин к Ермакову.

– Я думаю, вы и без меня уже поставили задачу на завтра, – Ермаков поочерёдно посмотрел на лица своих коллег.

– Будем искать другой вход? – спросил Иван.

– Конечно, иного варианта у нас нет. Не вязать же верёвки для спуска в шахту на километровую глубину.

– А если мы его не обнаружим? Что, если в районе этой горы его просто не существует? – сделал предположение Корчёмкин. – Будем сворачивать экспедицию?

– Нет, Михаил Петрович, не для того мы сюда прибыли, чтобы спастись при первой же проблеме. Я уверен: вход под землю есть. – Ермаков сделал небольшую паузу и замер, что-то припоминая, потом с жаром воскликнул:

– Чёрт возьми! Как же я сразу не догадался! Та загадочная паутина, которая зарисована в моей тетради и есть не что иное, как сеть подземных тоннелей! Они работают по принципу кровеносной системы человека. Если существует аорта, следовательно, должна быть и вена. – Ермаков победно посмотрел на друзей.

Иван моментально уловил мысль Ермакова и продолжил:

– Точно! Согласно моим замерам воздух из шахты движется в одном направлении: из глубин наружу. Это своеобразная «артерия», отходящая от «аорты». Завтра нам предстоит отыскать одну из «вен», не правда ли?

– Молодец, студент! – похвалил Ермаков Ивана. – Ты очень правильно мыслишь. Отыскав тоннель-вену, мы будем продвигаться по нему, не беспокоясь о недостатке кислорода до самого «сердца» – головной базы гуманоидов. Именно оттуда идёт излучение.

Выслушав восторженные высказывания коллег, Корчёмкин неожиданно спокойно рассудил:

– Если следовать вашей гипотезе, то мы имеем дело с замкнутой системой, в которой обязательном порядке существует энергообмен. Следовательно, электромагнитные волны должны не только излучаться энергосиловой базой, но и поглощаться ею.

– Браво, Михаил Петрович! – Ермаков трижды хлопнул в ладоши. – Такой источник излучения находится за пределами нашей планеты. Завтра мы обязательно отыщем тоннель и произведём замеры характеристик, входящих в него энергопотоков из космоса.

– Как? Ты сможешь зафиксировать направление излучения? – удивился Корчёмкин.

– Мой прибор позволяет изучать многие характеристики волн, коллега, – с гордостью сообщил Ермаков, с иронией назвав друга так, будто они находились на заседании учёного совета. – Он способен фиксировать даже неизвестные науке энергии.

– Ты имеешь в виду энергию торсионных полей? – глаза Корчёмкина округлились от удивления. – Но, насколько мне известно, ни один существующий физический прибор не способен регистрировать эти виртуальные поля.

– Ты прав, Михаил Петрович, но в данном случае существует одно «но», – вежливо заметил Ермаков. – Мой прибор создан на основании электронных схем, ниспосланных мне во сне. Я сам пока не знаю, какой принцип здесь используется, однако на осциллографе отражаются эти энергии. Длина волны и частота этих излучений лежат за пределами значений гамма – лучей. Какова природа такой энергии – мне пока неизвестно. Хотя предположение у меня всё-таки имеется.

– И какое твоё предположение? – с большой заинтересованностью спросил Корчёмкин.

– Это информационная энергия – с уверенностью ответил Ермаков. – К этому выводу я пришёл экспериментальным путём, когда занимался созданием психотронного оружия.

– Ты, Егор Васильевич, как Никола Тесла – все свои изобретения видишь во сне, – задумчиво проговорил Иван, молчавший всё это время.

Егор внимательно посмотрел на Шишкина и как-то странно, будто страшась последствий своей откровенности, с грустью, произнёс:

– Может быть, и ты был бы способен видеть подобные сны, если бы тебе вмонтировали за ухо такую же хреновину, как и мне.

– О чём это ты, Егор Васильевич? – спросил Иван, и тут же перевёл взгляд на Корчёмкина, будто тот мог пояснить слова друга.

– Я совсем недавно её обнаружил. Видимо, это какой-то чип, который из подсознания перекачивает информацию в сознание. И этот процесс может происходить только во сне, когда сознание отключено.

– И кто тебе его вмонтировал? Когда? – Корчёмкин наклонился к Егору, пытаясь заглянуть за ухо.

– Ты лучше потрогай, – Ермаков повернул голову в сторону, наклонил её вниз. – Визуально обнаружить чип сложно, он не бросается в глаза.

Корчёмкин с осторожностью провёл пальцем за правым ухом Егора, тихо произнёс:

– Да, действительно, под кожей перекачивается какой-то маленький шарик, будто дробишка.

После Корчёмкина чип пощупал и Иван.

– Этот предмет больше похож на миниатюрный треугольник, а не на шарик, – сказал он. Всё трое замолчали на некоторое время. Потом Ермаков продолжил:

– Прежде чем направиться в экспедицию, я долго размышлял: не удалить ли мне этот «жучок»? Вдруг он сыграет злую шутку там, под землёй? Могу ли я рисковать вашим здоровьем?

– Ерунда! Как это может отразиться на нашем здоровье? – беспечно отозвался Иван.

– Ну, допустим, гуманоид при встрече направит в мой мозг какой-нибудь кодовый сигнал, и я превращусь сторонником его замыслов, стану послушным и управляемым. Последствия могут быть непредсказуемые.

– Чуть всё это, Егор, – поддержал Корчёмкин Ивана. – Не накручивай в своей голове дурных мыслей. Я, к примеру, думаю совсем наоборот: твой чип будет служить нам незаменимым помощником. Сколько лет прошло с тех пор, когда, по твоему предположению, ты стал обладателем этого богатства?

– Я не предполагаю, а знаю точно: чип был вмонтирован мне во время встречи с таинственным «фонарём» больше двух десятилетий назад. Об этом случае я тебе рассказывал. Ведь я тогда очнулся совсем не в том месте, с которого наблюдал за светящимся диском. Я очутился почему-то на краю поляны. – Егор вопросительно взглянул на Корчёмкина. – Тебе эта деталь о чём-то говорит?

– Ты был взят на борт летающего объекта?

– Несомненно. Именно там мне вмонтировали этот чип.

– Тогда и переживать не стоит, – заметил Шишкин. – Если бы чип был предназначен ещё и для других целей, кроме получения информации в виде сновидений, то в течение двадцати лет он бы проявил себя в любом случае.

– Я рад, что вы оба придерживаетесь одинакового мнения, – с благодарностью сказал Ермаков. – Не сообщать вам о наличии чипа в моей голове я просто не имел права. Впрочем, я полностью согласен с вашим мнением. Убеждён, что чип – это своеобразный усилитель информационной энергии, поступающей в подсознание извне.

– Теперь мне понятно, что ты имел в виду, когда два года назад заявил о неподготовленности нашей экспедиции, – догадался Корчёмкин. – Тебе необходимо было изучить чип?

– Да, именно так. Я ставил массу экспериментов над собой. Каких именно – не буду сейчас забивать ваши головы. Потом как-нибудь расскажу. Отмечу только то, что акцент делался на активизацию скрытых функций эпифиза. Основываясь на проведённых экспериментах, я сделал для себя вывод: секрет уникальных способностей человека кроется в этом таинственном грецком орехе. Именно эта железа способна творить чудеса. Если мы сможем активизировать её функции – тогда телепатия, телекинез и многие другие «чудеса» станут такими же обычными свойствами человека, как слух и зрение.

– И ты два года скрывал от меня всё то, чем занимался? – с обидой в голосе высказался Корчёмкин.

– Не хотел отрывать тебя от важных дел. Армия приучила так поступать в отношении большого начальства. Скрытность позволяла мне избегать нежелательных последствий. Генералам нужен был конечный результат, а не творческие идеи и домыслы.

– Не надо ставить лучшего друга в один ряд с чёрствым генералом, – не принимая доводы Егора, не успокаивался Корчёмкин. – Меня всегда привлекала прикладная наука. И ты это знаешь. Я бы и сейчас с большим удовольствием поэкспериментировал вместе с тобой.

– Извини, Михаил Петрович, но заниматься наукой так, как ты занимаешься ею сейчас, всё равно, что питаться на бегу бутербродами. Будет один только вред, и для тебя, и для окружающих. – Ермаков открыто посмотрел в глаза друга.

– О чём это ты? – оторопел Корчёмкин.

– Вспомни, что говорил нам профессор Петровский в студенчестве?

– Напомни, забыл, наверно.

– Если ты поставил однажды перед собой цель посвятить науке всю жизнь, отдать ей все силы и даже душу – беги к этой цели, не разменивайся по мелочам и не оглядывайся по сторонам. Не можешь бежать – иди, но не останавливайся. Не позволяют тебе идти – ползи к цели на четвереньках. А если ты и этого сделать не в состоянии – падай на землю, но всё равно смотри в том направлении, где маячит твоя заветная цель. Вот так напутствовал нас мудрый профессор. А ты, Миша, занимаешься чем угодно, только не наукой. Заведуешь кафедрой, исполняешь обязанности декана факультета, возглавляешь партийную ячейку, являешься членом каких-то сомнительных организаций. Ты сегодня являешься свадебным доктором наук.

Ермаков говорил с укором и неотрывно смотрел на Корчёмкина. Тот сконфузился под пристальным взглядом друга, отвёл глаза в сторону и, оправдываясь, произнёс:

– Профессор Петровский был идеалистом... Таких учёных уже нет. Сейчас жизнь круто изменилась, Егор. Многие понятия приобрели совершенно другой смысл, слились воедино настолько тесно, что разделить их практически невозможно. Наука в чистом виде и государству, по большому счёту, сегодня не нужна. Большие чиновники и пальцем не пошевелят, если не увидят коммерческого интереса. Приходится изворачиваться, чтобы выживать.

– В любом неправильном действии у человека всегда найдутся аргументы для оправдания. Это давно известная защитная реакция. Меня они не интересуют. Каждый из нас поступает так, как считает нужным. – Ермаков умолк, взял обрубок ветки, пошевелил угли в костре. Небольшой сноп искр вырвался из глубины засыпающих углей и взметнулся вверх.

– Главное, чтобы эти поступки не мешали нашей дружбе, – закончил Ермаков. – А наукой мы продолжим заниматься вдвоём с Иваном. У нас получился хороший тандем. Верно, я говорю, студент?

– Так точно, командир, – по-военному заверил Шишкин.

– Если вопросов больше нет – объявляю отбой. Завтра у нас предстоит трудный день. Нужно выспаться и набраться сил.

Ермаков встал и направился к палатке. Вслед за ним потянулись Корчёмкин и Шишкин.

Глава 5

Путешественники проснулись рано. Точнее сказать, рано пробудился Ермаков. Его биологические часы, несмотря на гражданский уклад жизни, продолжали работать по военному распорядку. Он скомандовал подъём и направился к речке приводить себя в порядок.

Потом последовал завтрак, быстрый сбор необходимого снаряжения, после чего учёные, навьючив на плечи увесистые рюкзаки, отправились в путь вокруг горы.

О вечернем разговоре никто из них не вспоминал. Они по-прежнему оставались сплочённой группой единомышленников.

Впереди шёл Ермаков. Время от времени он останавливался и внимательно рассматривал местность на подступах к горе.

Отшагав вдоль подножия склона несколько километров, путешественники обратили внимание на небольшую лощину, посредине которой громоздились обломки горной породы больших размеров.

Лощина имела необычный вид. Вокруг неё земля выглядела лысой, а по периметру наваленных друг на друга трехметровых камней треугольной формы с приплюснутыми вершинами произрастала пышная трава и густой кустарник.

Создавалось впечатление, будто эти камни были привезены откуда-то издалека и с какой-то определённой целью аккуратно сложены в кучу. Но кто это мог сделать – пока оставалось загадкой.

– Мне кажется, это именно та точка, которая нас интересует, – сказал Ермаков и свернул по направлению к лощине.

– Прямо оазис какой-то, – проговорил Иван. – Наверно, под камнями бьёт ключик, иначе с какой стати в лощине благоухает бурная растительность?

– Не спешите господа, сейчас мы с вами всё узнаем и во всём разберёмся, – рассудил Ермаков.

Путешественники подошли вплотную к камням, сложили на них свою поклажу, внимательно осмотрели почву.

Иван обошёл груды камней вокруг, просунул руку в пространство между ними, чиркнул зажигалкой. Пламя слегка отклонилось внутрь нагромождения.

– Есть движение воздуха, – сообщил он.

– Значит, фортуна благоприятствует нам, – улыбнулся Ермаков.

Корчёмкин упёрся обеими руками в камень, имитируя попытку сдвинуть его, изрёк:

– Эти глыбы неподъёмные. Нам с ними не справиться.

– Ты, Михаил Петрович, видимо совсем разучился мыслить, – продолжая улыбаться, сказал Ермаков. – Зачем нам их двигать, если из твоего рюкзака торчит черенок лопаты.

– Ты предлагаешь сделать подкоп? – догадался Корчёмкин.

– Другого варианта у нас нет. Сейчас мы проведём замеры и начнём зарываться в землю. – Ермаков извлёк из футляра прибор, принялся его настраивать. Иван расчехлил магнитометр, чтобы провести замеры магнитного поля.

– Измерения следует провести в радиусе ста метров, – сказал Ермаков. – За пределами лощины и непосредственно у входа в подземелье.

Корчёмкин вскинул на друга недоумённый взгляд:

– А в чём смысл?

– У меня есть предположение, что камни сложены здесь не только для того, чтобы скрыть от людских глаз наличие пустот внутри горы.

– А для чего ещё?

- Вы не обратили внимания на то, что перед нами лежат глыбы необычного гранита?
- Гранит, как гранит, ничего особенного, – пожал плечами Корчёмкин.
- А ты, Иван, ничего необычного не заметил? – спросил Ермаков.
- Мне кажется, в зернистой структуре этого гранита наблюдается большее содержание кварца, по сравнению с долей полевого шпата и слюды.
- Молодец, студент. Не зря ты обучался геологии, – похвалил Ермаков геофизика. – В этих камнях действительно преобладает содержание кварца.
- И каково твоё резюме? – заинтересовался Корчёмкин.
- Думаю, наши камни используются в качестве передатчика загадочных излучений. Поступающие волны собираются в пучок, усиливаются и уже направленно передаются под землю. Обратите внимание на форму камней, и на то, как они сложены.
- Действительно, – с удивлением заметил Иван. – Они все имеют форму пирамид и уложены вершинами в одну сторону, продолжения которых сходятся в некоей незримой точке. Причем, с небольшим уклоном к горизонту. Словно расколота пирамида, поваленная на одно из рёбер.
- Ермаков удалился к тому месту, где менялась окраска растительности, и сделал несколько замеров. Потом вернулся и повторил измерения за вершинами камней.
- Что и требовалось доказать, – удовлетворённо подвёл итог Егор через некоторое время, неотрывно наблюдая за бегущей картинкой на осциллографе. – Потоки энергии разнятся по величине и устремлены под землю.
- Корчёмкин стоял у Ермакова за спиной и с интересом наблюдал за показаниями чудо-прибора.
- Вернёмся из экспедиции – я заставлю тебя заняться оформлением патента на изобретение, – начальственным голосом проговорил Корчёмкин. – Такой прорыв в будущее науки не должен оставаться безмянным.
- И как я буду делать описание процесса, который мне неизвестен? Буду излагать гипотезу о «хромосомах мира»? Вот поясни мне, что мы сейчас замерили? Какой вид энергии? Ты, Михаил Петрович, доктор наук, как мне известно. А сможешь ли ты растолковать нам с Иваном природу излучений, частота которых измеряется цифрой почти с тремя десятками нолей? Каков механизм передачи этой энергии?
- Тема моей диссертации не была связана с изучением высокочастотных излучений, – поджав губы, недовольно пробурчал Корчёмкин. – Я никогда не занимался исследованиями в этой области. Хотя мне доподлинно известно, что такие излучения губительны для человека, поскольку они разрушают его биополе.
- Вот и я пока не в состоянии подвести научную базу под неизвестный вид энергии, фиксируемой моим прибором, – признательно сообщил Ермаков. – Для того мы и спускаемся в кротовые норы, чтобы получить там ответ на эти вопросы.
- Он выключил прибор, положил в футляр, спросил Шишкина:
- Ты снял все характеристики магнитного поля?
- Как всегда: напряжённость, направление и градиент. Аномалий не обнаружено.
- Хорошо. Тогда, друзья мои, сейчас мы сделаем небольшой перекур, а затем начнём вгрызаться в землю.
- Интересно, как эти глыбы попали сюда, и для чего нужно было заваливать вход? – спросил Иван, присаживаясь на траву подле камней.
- Наверняка это сделали те, кого мы намерены повстречать под землёй, – с уверенностью ответил Ермаков. – Видимо, им есть, что скрывать от людей.
- Возможно, ты прав, – рассудил Корчёмкин. – Но каким способом они это сделали? Как переместили такие глыбы? Поблизости нет ни карьера, ни подобных нагромождений.

– И когда это произошло? В далёкой древности или же сравнительно недавно? – вновь задался вопросом Шишкин.

– Здесь очень много любопытных вещей, друзья мои, но объяснений для них мы пока все равно не получим. Так что, не парьтесь понапрасну. – Ермаков извлек из рюкзака складную лопату, привёл её в рабочее состояние и вонзил в землю. – Сейчас нам надо думать совсем о других вещах.

– Тоже верно, – согласился Иван, собирая свою лопату следом за Егором. – Дай Бог, чтобы грунт был податлив.

– Вот-вот, – выдал из себя Ермаков, с усилием выворачивая первый кусок дёрна.

Путешественники работали по очереди несколько часов. Наконец, тонкая перегородка, разделяющая подкоп и жерло пещеры, обрушилась, образовалось боковое отверстие размером около метра в диаметре. Иван просунул голову внутрь, чтобы лучше разглядеть вход в подземелье. Перед его взором предстал тоннель эллиптической формы в поперечнике, уходящий вниз под большим углом.

– Ну, что там? – спросил Ермаков, подходя к образовавшемуся отверстию. – Можно отправляться в путешествие?

– Нужен фонарь, дальше пяти метров ничего не видно, – сообщил Иван и выбрался на поверхность.

– Дай, я расширю отверстие, чтобы можно было свободно перейти в пещеру, а ты принеси фонарь, – распорядился Ермаков, спускаясь с лопатой по свежескопанному коридору. – Прежде чем отправиться в подземное путешествие, нужно обследовать хотя бы часть пути.

– Неужели начинают сбываться наши мечты? – возликовал Корчёмкин. – Даже не верится! Несколько лет прошло в ожидании этого момента, и вот он настал!

– Может, ещё и бутылку шампанского разбить о стены этой таинственной пещеры? – донёсся снизу голос Ермакова. – А что? И ленточку на входе разрезать. Тогда всё пойдёт как надо. Гуманоиды сразу поймут наши благие намерения и удушат в счастливых объятиях.

– Да ну тебя, – обиженным тоном проговорил Корчёмкин. – Никак не можешь обойтись без сарказма, портишь только людям настроение.

– А ты, Миша, не радуйся раньше времени, я и не буду ёрничать. Неси лучше анализатор воздуха. Сейчас двинемся по тоннелю, будешь изучать состав дыхательной смеси. Упаси нас Бог, надыхаться каким-нибудь пакостным газом.

Учёные, как будто забыли о своём возрасте и степенстве, с которым им следовало себя вести. Они словно бы перенесли на много лет назад, в молодость, почувствовав себя первооткрывателями. Их объединяла и влекла поистине юношеская мечта, которая манила своей неизвестностью, приводила в восторженное состояние. Только вот в силу своего характера каждый из них по-разному реагировал на происходящее событие.

– Всё, господа! Вход в преисподнюю открыт! Прошу следовать за мной! – дурачась, проговорил Ермаков и удивился своим эмоциям. На какое-то время ему даже показалось, что он вновь молодой, энергичный и озорной боец студенческого отряда, готовый свернуть горы ради поставленной цели.

Путешественники перенесли всё своё снаряжение в пещеру и осмотрелись.

– Ну что, друзья мои, в путь, – весело высказался Ермаков. – Как говорится, вперёд и с песней?

Не дождавшись отклика на свой призыв, Ермаков решительно шагнул встораживающую тишину подземного мира. Шагомер, закреплённый на нём, начал отсчёт подземного перехода.

Луч мощного фонаря выхватывал из темноты выступающие неровности стен. Проход был довольно просторным, но не прямолинейным. Он то и дело петлял из стороны в сторону и постоянно менялся в размерах. Каменный свод то уходил высоко вверх, а то резко снижался, превращаясь в широкую щель, вынуждая путешественников каждый раз склонять

голову, чтобы не удариться о скалистый потолок. Никаких ответвлений от основного тоннеля пока не встречалось.

Через километр пути извилистый тоннель стал шириться, подземная дорога пошла вниз ещё круче, чем прежде, но свод при этом оставался на одном уровне. Совсем неожиданно тоннель оборвался, путешественники очутились в небольшом овальном зале. Ермаков скомандовал:

– Привал друзья! Думаю, нам необходимо сделать рекогносцировку и провести новые замеры.

Корчёмкин и Шишкин незамедлительно сбросили с плеч объёмистые рюкзаки, извлекли приборы.

– Как ваше самочувствие? – поинтересовался Ермаков.

– Лучше не бывает, – ответил Иван.

– А я проголодался даже, – сообщил Корчёмкин.

– Очень хорошо, – отметил Ермаков. – Сейчас сделаем замеры, перекусим сухим пайком и двинемся дальше. Сегодня нам предстоит разведать как можно больший отрезок пути. Нужно отыскать такой же просторный зал, как этот, чтобы разбить в нём базовую стоянку. Завтра мы перенесём туда всё оставшееся снаряжение.

Все параметры измерений почти не отличались от предыдущих. Путешественники вновь навьючили на себя скарб и продолжили путь в неизвестность.

– Командир, как думаешь: куда приведёт нас этот тоннель? – в раздумье спросил Иван, пройдя первую сотню метров.

– Странный вопрос, – проговорил Ермаков, обернувшись к Шишкину. – Неужели ты засомневался в существовании базы гуманоидов?

– Нет, отчего же, – ответил молодой путешественник. – База существует, это неоспоримый факт. Просто у меня в голове завертелся один вопрос.

– Какой?

– Что если мы отшагаем несколько десятков километров, а потом упрёмся в непреодолимую стену?

– Это как? – удивился Ермаков.

– Очень просто. Корабли гуманоидов передвигаются по другому маршруту, стало быть, наш тоннель вполне может оказаться всего лишь вентиляционным каналом. Что если выход из него будет заблокирован каким-нибудь фильтром или другой громоздкой установкой?

– Взорвем его тротиловой шашкой и ворвёмся на базу с криками «ура», – пошутил Ермаков.

– Командир, я серьёзно, – не унимался Иван. – Неужели наша прогулка окажется коту под хвост?

– У тебя есть другой вариант? – включился в разговор Корчёмкин.

– Нет, – пробурчал Шишкин. – Только будет жаль, что мы не получим никакого результата после завершения экспедиции.

– Почему вы решили, что другой вариант не существует? – прозвучал весёлый голос Ермакова. – Можно вернуться назад, подкараулить летающий объект и попросить гуманоидов подбросить нас до их базы. Чем не вариант, а, Михаил Петрович? Может, так и поступить, чтобы не терять времени зря?

– Что я ценю в тебе, Егор, так это твой оптимизм и чувство юмора, – отозвался Корчёмкин.

– Мой дорогой друг! При достижении цели эти качества являются непременным условием. Если брюзжать и сомневаться по каждому поводу – заветной цели никогда не достичь. Даже если мы уткнёмся в стену, результат всё равно будет, – убеждённо сказал Ермаков. – У нас

появятся истинные географические координаты базы, станет известна отметка её заглубления, мы установим источник энергии, узнаем его мощность. Так что, не стоит вешать носа, господа!

– Так-то оно так, но нам не удастся испытать твои разработки, и тем самым подтвердить имеющиеся гипотезы, – мрачно заметил Корчёмкин, и на его лице отразилось нескрываемое сожаление.

– Не будем забегать вперёд, друзья мои, ведь мы находимся всего лишь в начале нашего пути, – с оптимизмом проговорил Ермаков. – Я верю в удачу.

На этом краткая дискуссия закончилась, долгое время путешественники шагали в полном молчании.

Первым заговорил Шишкин:

– Коллеги, не показалось ли вам, что темнота понемногу стала расступаться перед нами? Или это мои глаза привыкли со временем?

– Я тоже обратил на это внимание и хотел высказаться по такому поводу, – поддержал Ивана Корчёмкин. – Егор, а ты разве ничего не заметил?

– Не только подметил, но и размышляю уже о причине этого явления, – отозвался Ермаков. – Более того, меня заинтересовала и поистине странная атмосфера в пещере. Она несвойственна для подземелья природного происхождения. Обратите внимание: влажность отсутствует, стены и потолок совершенно сухие, под ногами не хлюпает. Идём словно по горной дороге. Чем это обусловлено?

Путешественники продвинулись ещё на километр, с каждой сотней метров пространство в пещере светлело всё явственнее. Но свет был совершенно не похож на тот, который остался на поверхности. Свечение воздуха было искусственным и казалось каким-то холодным, однако откуда оно исходило, понять было невозможно.

– Скорее всего, мы имеем дело с ионизацией молекул газа за счёт высокочастотного излучения, – сделал предположение Ермаков. – Это явление намного упрощает наше продвижение.

– Конечно, быть слепым кротом гораздо хуже, чем, допустим, зрячим хомяком, – усмехнулся Иван. – Но при сильных дозах излучения я всё же предпочёл бы остаться здоровым кротом, нежели стать облучённым хомяком.

– Справедливое замечание, и своевременное, – сказал Ермаков. – Нам нужно остановиться и определить вид ионизирующего излучения. Не подвергаем ли мы себя скрытой опасности, если экспозиционная доза вдруг зашкаливает?

– Я это сделаю лучше вас, коллеги, – вызвался сделать замеры Корчёмкин и полез в рюкзак за прибором. – Уж с чем-чем, а с грязями, бэрами и зивертами мне пришлось столкнуться больше, чем вам вместе взятым.

– Хорошо, Михаил Петрович, действуй, – согласился Ермаков. – А мы с Иваном этим временем попробуем прикинуть, на какую глубину увёл нас тоннель. Сдаётся мне, что отметка нашего местонахождения не меньше четырехсот метров ниже подножия горы.

– Если не больше, – подметил Иван. – Тоннель всё время шел под уклоном более десяти градусов.

Они сняли показания шагомера и при помощи простого расчета через тригонометрическую функцию угла определили приблизительную геодезическую отметку днища тоннеля.

– Ого! – воскликнул Ермаков. – Мы уже сейчас опустились на отметку почти в пятьсот метров! Далее спуск становится ещё круче.

– И что это значит? – спросил подошедший к нему Корчёмкин.

– Это значит, что если до энергосиловой базы предстоит пройти несколько десятков километров, то её отметка окажется на глубине в несколько километров.

– А что, если до пристанища гуманоидов уже совсем близко?

– Я так не думаю, – уверенно проговорил Ермаков.

– Почему?

– Потому что мы пока движемся по одному из «капилляров», потом он должен влиться в «венулу», а та, в свою очередь, в «вену». До «сердца» базы нам, друзья, идти придётся еще не один десяток километров.

– Мне кажется, мы допустили одну ошибку, командир, – неожиданно высказался Иван.

– Какую?

– Мы недостаточно хорошо обследовали зал, который недавно покинули. – Шишкин внимательно посмотрел в лицо Ермакова. – Если исходить из того, что сеть тоннелей построена по принципу функционирования кровеносной системы, следует предположить, что зал – это узел слияния «капилляров». Следовательно, следующий зал – это уже узел слияния венул.

– Логично, – согласился Ермаков. – На обратном пути мы обязательно обследуем стены зала. Возможно, по каким-то причинам второй «капилляр» заблокирован. Но почему ты вдруг решил, что «капилляров» должно быть только два, а не три или четыре?

– Потому что при создании сети тоннелей используется лишь принцип функционирования кровеносной системы, а не её идеализация. В таком случае, достаточно одного резерва.

– Что ж, звучит вполне убедительно, – покачал головой Ермаков в знак согласия.

– Это означает, что путь до энергосиловой базы значительно сокращается? – обрадовано спросил Корчёмкин. – Дай-то Бог, чтобы всё так и было, как вы предполагаете, а то я, знаете, не испытываю особого удовольствия от путешествия под землёй.

– Это потому, что мы пока не столкнулись ни с чем удивительным и необычным, – заметил Ермаков.

– Ты думаешь, на таких глубинах можно обнаружить что-нибудь необычное?

– Несомненно, ведь эти тоннели созданы представителями иной цивилизации. Поэтому, я почти уверен, что совсем скоро нам не будет скучно. Думаю, это произойдёт уже завтра, когда мы перенесём сюда остальное снаряжение и двинемся дальше. – Ермаков поднял с земли рюкзак, спросил:

– Михаил Петрович, а как обстоят дела с экспозиционной дозой облучения? Почему ты умолчал о результатах измерений?

– Радиоактивность в норме, Егор Васильевич, потому и не беспокоюсь, – сообщил Корчёмкин. – Да и другие показатели в пределах допустимых значений.

– Хорошо, успокоил. Двигаемся дальше.

Путешественники продолжили путь и шагали по тоннелю ещё в течение часа. В тоннеле было по-прежнему сумеречно, как перед утренним рассветом, но гораздо светлее, чем прежде. Передвигаться можно было уже без фонаря.

Впереди замаячила глухая стена. Это означало, что тоннель либо заканчивался тупиком, либо круто поворачивал в сторону.

Корчёмкин остановился, дождался Ивана.

– По-моему, наше путешествие закончилось плачевно, – хмуро проговорил он, показав рукой на показавшееся препятствие.

– Такого не может быть, – возразил геофизик. – Впереди мы увидим слияние двух каналов, только и всего.

И действительно, через несколько минут раздался радостный голос Ермакова:

– Где вы там ползёте, черепахи? Впереди большой зал! Это то, что нам нужно!

Корчёмкин и Шишкин ускорили шаг и вскоре были уже рядом с Егором. Глаза его светились радостью, на лице отражалось торжество. Их коллега стоял на повороте в просторный зал и, включив фонарь, внимательно что-то рассматривал.

– Смотрите, Михаил Петрович, – Иван дёрнул за рукав Корчёмкина и показал на проём в скале с левой стороны. – Я оказался прав. Здесь действительно сходятся два рукава.

– Вы лучше взгляните сюда, друзья мои, – сказал Ермаков каким-то завораживающим тоном и высветил лучом пол зала. – Перед нашим взором появились первые артефакты.

Михаил Петрович и Иван почти одновременно включили свои фонари. В это самый момент свечение в зале вдруг усилилось, как будто какой-то невидимый наблюдатель решил подсветить путешественникам. Они переглянулись между собой, но не проронили ни слова. Их взоры устремились к полу.

Он был вымощен большими квадратными плитами, с длиной сторон около шести метров. В центре «дорожных» плит имелась «маркировка» в виде полуметровых знаков, напоминающих египетские иероглифы.

Стены зала были вертикальными, ровными и отполированными, выглядели стеклянными. На них по всему периметру были нанесены такие же загадочные символы, очень похожие на иероглифы, чередующиеся изображением странных существ или животных с человеческой головой. Создавалось впечатление, что все надписи нанесены большим печатным устройством.

Иван подошёл к стене, достал охотничий нож и попытался поскрести кончиком лезвия один из символов. Ему с трудом удалось сделать несколько царапин. Странная краска, казалось, находилась не на поверхности, а была вкраплена внутрь полированной стены.

– И что вы скажете по этому поводу? – спросил он друзей. – Как можно сотворить такое чудо?

– Только путем оплавления поверхности камня, – сделал предположение Корчёмкин. – Другого варианта быть не может.

Ермаков всё это время молчал, продолжая осматривать зал. Потом сказал:

– Непонятно, для чего нужно было наносить эти изображения? Кому предназначена такая странная информация?

Двигаясь по периметру зала, он вдруг воскликнул:

– Смотрите!

Корчёмкин и Шишкин поспешили к Егору. На стене они увидели странное изображение.

От небольшого кружка с отходящими лучами тянулась одна пунктирная линия, в разрывах которой стояли точки. Конец линии упирался в другой кружок меньшего размера, внутри которого находилась пирамидка. По всей длине линии имелись отростки под прямым углом в виде короткой спирали, на концах которых были «подвешены», словно елочные игрушки, какие-то странные конструкции. Среди них узнаваемыми были только диск и силуэт не то человека, не то животного.

– Догадываетесь, что за схема представлена вашему взору? – спросил Ермаков с улыбкой.

Друзья отрицательно покачали головой.

– Ну как же! Это условное изображение цепи, собранной из «хромосом мира»! «Струны», «стринги», «жгуты» – называйте, как вам захочется! Но здесь показан принцип передвижения материальных частиц в пространстве по этим цепям!

– Постой, постой, – начиная догадываться, заговорил Корчёмкин. – Это получается, что незнакомая нам энергия приходит от какой-то незнакомой звезды сюда, к энергосиловой базе, и...

...благодаря её способности силового притяжения «хромосом» создаёт упорядоченный и как бы «натянутый» пучок энергии – струны, вдоль которой, как подвешенные марионетки, передвигаются материальные объекты в пространстве, – закончил за Корчёмкина Ермаков.

– Стало быть, это изображение подтверждает одну из твоих гипотез? – поинтересовался Иван.

– Полностью!

– Теперь остаётся похитить гуманоида и вывести у него информацию об устройстве энергосиловой базы и летательного аппарата, – шуточно подытожил геофизик. – И тогда можно возвращаться с полной победой.

– Вот тебе мы и поручим выполнить эту миссию, шутник, – сбрасывая улыбку с лица, сказал Ермаков. Он ещё походил некоторое время по залу, затем остановился у выхода из тоннеля-дублёра, распорядился:

– На сегодня исследований достаточно, друзья мои. Сейчас берём наши вещи и переносим их сюда. Хотя в зале и нет ни одной живой души, но на виду оставлять снаряжение всё же не стоит. Нужно замаскировать наше вторжение. Вдруг тут по ночам прогуливаются некие сущности? Что может взбрести им на ум при виде наших пожитков? А в этой «штанине» света практически нет, значит, и процент сохранности нашего добра выше.

– Дело говоришь, Егор Васильевич, – отозвался Корчёмкин. – Бережёного Бог бережёт.

Путешественники перетащили снаряжение в обнаруженный ими тоннель и сложили его в небольшой нише в десятке метров от выхода в зал.

– Всё, коллеги, уходим. – Ермаков посмотрел на часы. – К ужину мы должны быть в лагере.

Обратный путь занял меньше времени.

В лагерь они возвратились, когда солнце спряталось за горизонтом только наполовину. Остывшие лучи затухающего светила некоторое время ещё золотили верхушки деревьев, а потом, блеснув напоследок, мгновенно угасли. Почти сразу же сделалось как-то сумрачно и неуютно.

После стандартного ужина, состоявшего из разогретой каши и крепкого чая, путешественники прилегли у костра.

– Давайте подведём итоги первого дня нашего путешествия, – сказал Ермаков. Он на минуту задумался, уставившись неподвижным взглядом в огонь, потом продолжил:

– Сегодня нам удалось обнаружить сеть подземных тоннелей и исследовать один из них. И это только начало. Но уже в первый день мы получили часть интересной информации о них. Сейчас можно с твёрдой уверенностью сказать, что все тоннели сходятся в одной точке – в энергосиловом центре, расположенном на большой глубине. Это мощный источник энергии, который предназначен для создания неких пространственных энергетических цепей, собранных из «хромосом мира». Они, вероятнее всего, и обеспечивают передвижение наблюдаемых нами неизвестных летальных объектов. Но я уверен, что это не единственное их предназначение. Вполне возможно, что по этим цепям осуществляется и межзвёздная связь.

– Возможно, всё это так и обстоит в действительности, – включился в разговор Корчёмкин. – Но у меня есть сомнение в том, что под землёй находится одна лишь силовая база, и ничего более. Сразу напрашивается вопрос: а для чего нужна эта межзвёздная связь? Кому? Какие сведения передаются по её каналам? Куда и с какой целью летают таинственные диски? Не-ет, здесь не всё так просто, Егор, как представляется на первый взгляд.

– Я согласен с мнением Михаила Петровича, – высказал свою точку зрения Иван Шишкин. – Стоило ли выполнять такой громадный объём работ, только ради того, чтобы передавать сведения о нашей планете в далёкий космос? По-моему, это не логично.

– Друзья мои, я не отрицаю вовсе факт существования под землёй какой-то цивилизации, – вновь заговорил Ермаков. – Во всяком случае, если не цивилизации, то ограниченного контингента пришельцев из далёкого космоса, которые осуществляют какую-то незнакомую нам деятельность. Причём, деятельность, рассчитанную на многие столетия. Иначе, игра не стоила бы свеч.

Глаза Егора вдруг стали задумчивыми, хотя лицо выражало спокойствие и непроницаемость. О чём он думал в этот момент, друзьям было неведомо.

Наступила длительная пауза.

Иван перевернулся на спину и мечтательно смотрел в небо. Ермаков продолжал таращиться в огонь, помешивая время от времени угли в костре. Корчёмкин сходил к палатке,

принёс карту края, расстелил её на траве и принялся что-то изучать на ней, изредка шевеля беззвучно губами.

– Что тебя там вдруг заинтересовало? – спросил Ермаков.

– Ищу подтверждение своим мыслям, – протяжно проговорил Корчёмкин. – Вот, посмотрите сюда, – он ткнул карандашом в точку, где была обозначена «Гора бесов». – Вот здесь вход в тоннель, а это направление, по которому мы сегодня двигались под землёй.

– И что? – проследив за движением карандаша, с недоумением задал вопрос Ермаков.

– Похоже, тоннель идёт по направлению к горе Мертвый Вогул.

– Вы хотите сказать, что энергосиловая база находится под ней? – оживлённо встрепенулся Иван.

– Вероятнее всего, так оно и есть, – Корчёмкин поскрёб себе затылок тупым концом карандаша. – Более того, я запомнил угол слияния двух тоннелей и отложил сейчас его на карте. Ось тоннеля, в котором мы оставили наше снаряжение, вонзается в гору Золотой Камень. Если завтра нам удастся обнаружить ещё один каменный рукав, то точка его слияния с «венной», или расположение очередного зала будет непременно вот в этом месте. – Учёный поставил на карте жирную точку карандашом.

– Откуда такая уверенность? – удивился Ермаков. Его кустистые чёрные брови подпрыгнули вверх и замерли в таком положении на несколько секунд. Потом медленно опустились и сдвинулись к переносице, лицо нахмурилось. Взглядом он впился в карту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.